

СКАЗКИ
БРАТЬЕВ
ГРИММ

2

Якоб и Вильгельм Гримм
Сказки братьев Гримм. Том 2

«Спорт»

2007

ББК 84.4Г

Гримм Я.

Сказки братьев Гримм. Том 2 / Я. Гримм — «Спорт», 2007

ISBN 978-5-903508-17-4

«Жил однажды король и вдруг заболел так жестоко, что никто уже не надеялся на то, что он выживет. Трое сыновей его были этим очень опечалены; они сошлись в саду королевского замка и стали отца оплакивать...»

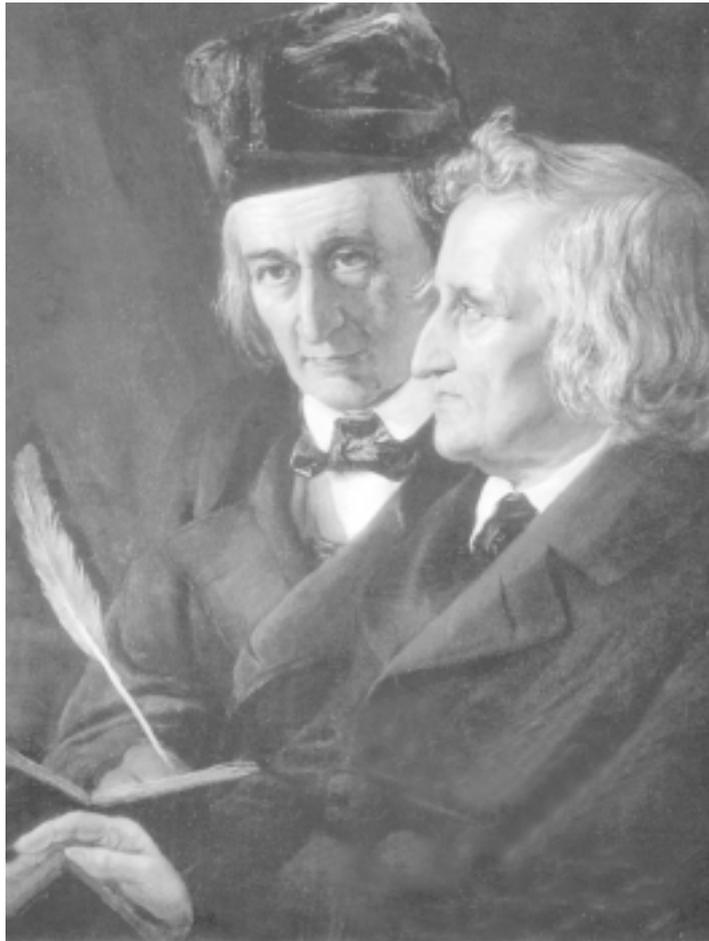
ББК 84.4Г

ISBN 978-5-903508-17-4

© Гримм Я., 2007
© Спорт, 2007

Содержание

Детские и семейные сказки	6
97	6
98	12
99	14
100	18
101	22
102	27
103	29
104	30
105	33
106	35
107	39
108	47
109	51
110	52
111	56
112	60
113	62
114	69
115	72
116	74
117	78
118	79
119	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Якоб Гримм, Вильгельм Карл Гримм
Сказки
Полное собрание в 2-х томах
Том второй

© Издательство «Человек», 2007

* * *

Детские и семейные сказки

97

Живая вода

Жил однажды король и вдруг заболел так жестоко, что никто уже не надеялся на то, что он выживет. Трое сыновей его были этим очень опечалены; они сошлись в саду королевского замка и стали отца оплакивать.

Повстречался им в саду старик и спросил, чем они так опечалены. Они отвечали ему, что отец их очень болен и, вероятно, умрет, потому что ему ничто не помогает. Тут и сказал им старик: «Знаю я еще одно средство – живую воду; коли он той воды изопьет, то будет здоров, да беда только в том, что разыскать ее трудно».

Но старший королевич тотчас сказал: «Уж я сумею ее сыскать», – пошел к больному отцу и попросил у него дозволения ехать на розыски живой воды, так как только эта вода могла его исцелить. «Нет, – сказал король, – эти розыски сопряжены со слишком большими опасностями, лучше уж пусть я умру». Но тот просил до тех пор, пока отец не разрешил ему. А сам про себя королевич думал: «Коли я принесу отцу живой воды, то буду его любимцем и унаследую его престол».

Так он и отправился в дорогу; ехал долго ли, коротко ли и видит, стоит карлик на дороге и кричит ему: «Куда так поспешаешь?» – «Глупый карапуз, – горделиво отвечал ему королевич, – какое тебе до этого дело?» И поехал себе далее. А карлик этим оскорбился и послал ему вслед недоброе пожелание. И вот королевич вскоре после этого попал в такое горное ущелье, которое, чем далее он по нему ехал, все более и более сужалось и наконец сузилось настолько, что он уж ни шагу вперед ступить не мог; не было возможности ни коня повернуть, ни из седла вылезть, и он очутился словно в тисках...

Долго ждал его больной король, но он не возвращался. Тогда сказал второй сын: «Батюшка, отпустите меня на поиски живой воды», – а сам про себя подумал: «Коли брат мой умер, королевство мне достанется». Король и его тоже сначала не хотел отпускать, но наконец уступил его просьбам.

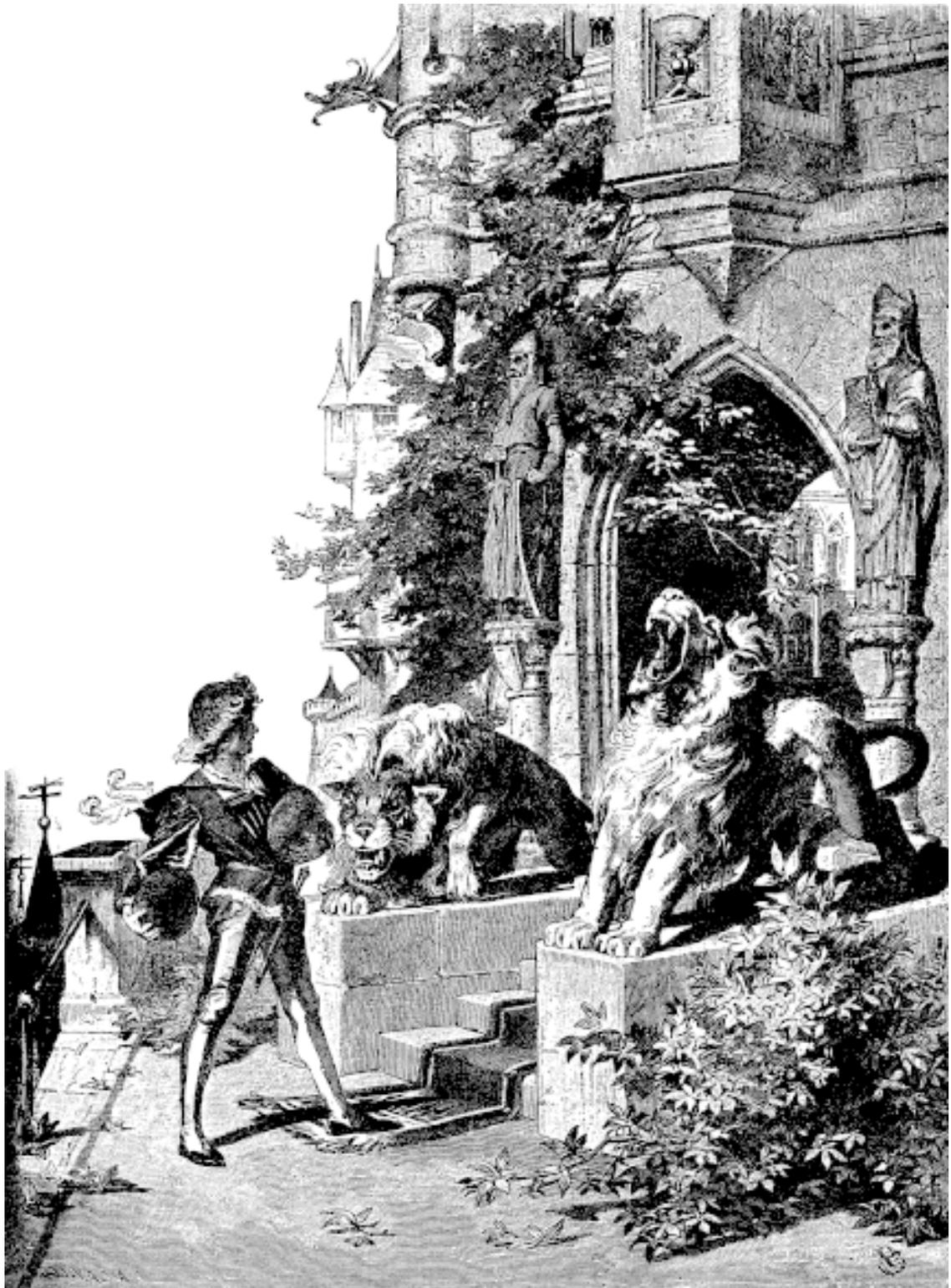
Королевич выехал по той же дороге, по которой поехал его брат, повстречал того же карлика, который его остановил и спросил, куда он так спешит. «Ничтожный карапуз, – сказал королевич, – тебе нет нужды это знать!» – и поехал далее, не оглядываясь. Но карлик зачаровал и его; и он попал, подобно старшему, в другое ущелье и не мог ни взад, ни вперед двинуться. Так-то оно и всегда бывает с гордецами!

Так как и второй сын не возвращался, младший предложил свои услуги отцу, и король должен был наконец его отпустить на поиски живой воды. Повстречавшись с карликом, королевич сдержал коня и на спрос его, куда он так спешит, вступил с карликом в разговор и ответил ему: «Еду за живой водой, потому что отец мой болен и при смерти». – «А знаешь ли ты, где ее искать следует?» – «Нет», – сказал королевич. «За то, что ты со мною обошелся как следует, а не так высокомерно, как твои коварные братья, я тебе все поясню и научу, как к живой воде добраться. Вытекает она из колодца во дворе заколдованного замка; но в тот замок ты не проникнешь, если я тебе не дам железного прута и двух небольших хлебцев. Тем прутом трижды ударь в железные ворота замка, и они распахнутся перед тобою; за воротами увидишь двух львов, лежащих у входа; они разинут на тебя свои пасти, но если ты каждому из них бросишь в пасть по хлебцу, то они присмирят, и тогда спеши добыть себе живой воды, прежде нежели ударит двенадцать, а не то ворота замка снова захлопнутся, и тебе уж нельзя будет из него выйти».

Королевич поблагодарил карлика, взял у него прут и хлебцы и пустился в путь.

И когда он прибыл к замку, все было в том виде, как карлик ему предсказал. Ворота широко раскрылись при третьем ударе прута, а когда он смирил львов, бросив им хлебцы, то вошел в замок и вступил в обширный, великолепный зал: в том зале сидели околдованные принцы, у которых он поснимал кольца с пальцев, захватил с собою и тот меч, и тот хлеб, которые лежали на столе.

Далее пришел он в комнату, где стояла девица-красавица, которая очень ему обрадовалась и сказала, что он своим приходом избавил ее от чар и за то должен получить все ее королевство в награду, а если он вернется сюда же через год, то отпразднует с ней свадьбу. Она же указала ему, где находится колодец с живой водой, и сказала, что он должен поспешить и зачерпнуть из него воды прежде, нежели ударит двенадцать часов.

Ворота широко раскрылись при третьем ударе палки, а когда он смирил львов, бросив им хлебцы, то вошел в замок...

Пошел он далее по замку и наконец пришел в комнату, где стояла прекрасная, только что постланная свежим бельем постель, и так как он был утомлен, то ему, конечно, захотелось немного отдохнуть. Вот он и прилег на постель и приуснул; когда же проснулся, часы били три четверти двенадцатого.

Тут он вскочил в перепуге, побежал к колодцу, зачерпнул из него воды кубком, который был рядом поставлен, и поспешил с водою выйти из замка. В то самое время, когда он выходил из железных ворот, пробило двенадцать часов, и ворота захлопнулись с такою силою, что даже отщемили у него кусок пятки.

Очень довольный тем, что он добыл живой воды, он направился в обратный путь и опять должен был проехать мимо карлика. Когда тот увидел меч и хлеб, захваченные королевичем из замка, он сказал: «Эти диковинки дорогого стоят; мечом можешь ты один целое войско побить, а этот хлеб, сколько ни ешь его, никогда не истощится».

Королевич не хотел, однако же, возвращаться к отцу своему без братьев и сказал карлику ласково: «Не можешь ли ты мне указать, где мои двое братьев? Они раньше меня вышли на поиски живой воды и что-то не возвратились еще». – «Они у меня стоят в тесном заточении между двумя горами, – отвечал карлик, – я их туда замуровал за их высокомерие».

Тут королевич стал просить карлика за братьев и просил до тех пор, пока карлик не выпустил их из теснин, предупредив, однако же, королевича: «Берегись своих братьев – сердце у них недоброе».

Когда его братья сошлись с ним, он им очень обрадовался и рассказал, как он разыскал живую воду, как добыл полный кубок ее и как освободил от чар красавицу, которая обещала ждать его целый год до свадьбы и должна была целое королевство принести ему с собою в приданое.

Затем они поехали все вместе и прибыли в такую страну, на которую обрушились одновременно и война, и голод; и бедствие было так велико, что король той страны уже сам готовился погибнуть. Тогда королевич пришел к нему и дал ему свой хлеб, которым тот мог прокормить и насытить всю свою страну; а затем дал ему и меч свой, и тем мечом побил король рати врагов своих и мог отныне жить в мире и спокойствии.

Тогда королевич взял у него обратно и хлеб свой, и меч, и все трое братьев поехали далее. Но на пути им пришлось заехать еще в две страны, где свирепствовали голод и война, и в обеих странах королевич на время давал королям свой хлеб и меч и таким образом спас три королевства от гибели.

Под конец пришлось братьям плыть по морю на корабле. Во время плавания двое старших стали говорить между собою: «Он отыскал живую воду, а не мы, и за то ему отец отдаст свое королевство, которое бы нам следовало получить, кабы он не отнял у нас наше счастье!» Жажда отомстить ему, они уговорились его погубить. Выждав, когда он наконец крепко заснул, они вылили из его кубка живую воду в свою посудину, а ему налили в кубок горькой морской воды.

По прибытии домой младший королевич принес отцу свой кубок, предлагая выпить его для исцеления от недуга. Но едва только отец отхлебнул горькой морской воды, как заболел пуще прежнего.

Когда же он стал на это жаловаться, пришли двое старших сыновей и обвинили младшего брата в намерении отравить отца; при этом они сказали, что они принесли с собою настоящую живую воду, и подали эту воду отцу. Как только он той воды выпил, так недуг его исчез бесследно, и он вновь стал так же здоров и крепок, как в свои молодые годы.

Затем оба брата пошли к младшему и стали над ним глумиться: «Вот ты и отыскал живую воду, и потрудился, а награда за твой труд нам же досталась; надо бы тебе быть поумнее да смотреть в оба: ведь мы у тебя воду-то взяли, когда ты заснул на корабле! А вот год еще пройдет, так мы у тебя и твою красавицу оттягнем! Да еще, смотри, никому слова об этом не скажи: отец тебе и так не поверит; а если ты хоть одно словечко проронишь, так и жизнью заплатишься! Пощадим тебя только в том случае, если будешь молчать...»

Прогневался король на своего младшего сына, поверив наветам братьев. Собрал он весь свой двор на совет, и все приговорили тайно убить младшего королевича.

В то время, как он выехал однажды на охоту, ничего дурного не предполагая, его должен был сопровождать королевский егерь.

Въехав в лес, королевич заметил, что егерь чем-то опечален, и спросил его: «Что с тобою, милый?» Егерь сказал: «Я этого сказать не смею, а все же должен». – «Говори все как есть – я все тебе прощу». – «Ах! – сказал егерь. – Я должен вас убить, король мне это приказал».

Принц ужаснулся этим словам и сказал: «Пощади меня, милый егерь, на вот, возьми себе мое платье и поменяйся со мною своим». – «С удовольствием это сделаю, – сказал егерь, – хотя и без того не мог бы вас убить».

Так и поменялись они одеждой, и егерь пошел домой, а принц – далее в глубь леса.

Прошло сколько-то времени, и вот пришли к старому королю три повозки с золотом и драгоценными камнями для его младшего сына. Их прислали ему в благодарность те трое королей, которые его мечом врагов победили и его хлебом свои страны прокормили.

Тут вдруг пришло старому королю в голову: «А что, если мой сын не виновен?» И он стал говорить своим людям: «О, если бы он мог быть жив! Как мне горько, что я так неразумно приказал его убить!» – «Он жив! – сказал королю егерь. – Я не мог решиться исполнить ваше приказание», – и рассказал королю, как все произошло.

У короля словно камень с сердца свалился, и он повелел объявить по всем окрестным королевствам, чтобы сын его к нему возвращался и что он будет милостиво принят.

Тем временем девица-красавица в заколдованном замке приказала перед замком вымостить дорогу чистым золотом, которое на солнце как жар горело, и объявила людям своим: «Кто по той дороге прямо к замку поедет, тот и есть мой настоящий жених, того и должны вы впустить в замок; а кто поедет стороною, в объезд дороги, тот не жених мне, и того впускать в замок вы не должны».

Когда год близился уже к концу, старший из королевичей подумал, что уж пора спешить к девице-красавице и, выдав себя за ее избавителя, получить и ее в супруги, и ее королевство в придачу.

Вот и поехал он к замку, и, подъехав к нему, увидел чудную золотую дорогу. Ему пришлось в голову: «Такую дорогу и топтать-то жалко», – и свернул он с дороги в объезд с правой стороны. Когда же он подъехал к воротам, люди девицы-красавицы сказали ему, что он не настоящий жених, и он должен был со страхом удалиться.

Вскоре после того второй королевич пустился в дорогу и тоже, подъехав к золотой дороге, подумал: «Этакую дорогу и топтать-то жаль», – и свернул с дороги в объезд налево. Когда же подъехал к воротам, люди девицы-красавицы и его от них отпроведили.

Когда же год минул, задумал и младший королевич покинуть лес и ехать к своей милой, чтобы около нее забыть свое горе.

С этими думами он и пустился в дорогу, и все время только о своей милой думал, поспешая до нее поскорее доехать, поэтому он и на золотую дорогу внимания не обратил. Конь его прямо по этой дороге и повез, и когда он к воротам подъехал, ворота были перед ним отворены настежь, и девица-красавица встретила его с радостью, сказав: «Ты мой избавитель и повелитель всего моего королевства».

Затем и свадьба была сыграна веселая-превеселая. Когда же свадебные празднества были окончены, молодая королева рассказала мужу, что его отец всюду разослал извещения о том, что сына прощает и зовет его к себе. Тут он к отцу поехал и рассказал, как братья его обманули и как он обо всем этом умолчал.

Старый король хотел их за это наказать, но они бежали на море и отплыли на корабле, и никогда более на родину не возвращались.

Доктор Всезнайка

Жил-был однажды мужик-бедняк по прозвищу Рак; повез он на двух волах воз дров в город и продал тот воз доктору за два талера.

Доктор, расплачиваясь с ним за дрова, сидел за обедом; увидал мужик, как тот отлично ел и пил, и позавидовал ему, подумав: «Хорошо, кабы я мог доктором быть».

В этих мыслях он постоял-постоял, да наконец и спросил, не может ли и он тоже доктором быть. «Отчего же, – сказал доктор, – это дело не мудреное». – «А что же я для этого должен сделать?» – спросил мужик. «Прежде всего, купи себе азбуку (есть такие, у которых на первой странице петушок изображен), затем обрати своих волов и повозку в деньги и на те деньги купи себе приличное платье и прочее, что к докторскому делу относится; а третьих, вели себе изготовить вывеску с надписью и напиши на ней: «Я доктор Всезнайка», да и вели ее прибить у себя над входными дверьми».

Мужик исполнил все по указанию доктора.

Немного спустя после того, как он принялся за докторство, у одного знатного и богатого господина были украдены деньги.

Вот ему его друзья и рассказали, что в такой-то деревне живет доктор Всезнайка: тому и должно быть известно, где его деньги, потому что он знает все на свете.

Богач приказал заложить свою карету, приехал в указанную деревню и спросил: «Ты ли доктор Всезнайка?» – «Я», – отвечал мужик. «Ну, так ступай со мной и разыщи мне украденные у меня деньги». – «Изволь, только чтобы и Гретель, жена моя, тоже со мною поехала». Богач с радостью согласился, посадил их с собой в карету и повез во весь дух к себе.

Когда они приехали к богачу в дом, стол был уже накрыт, и доктор Всезнайка был за стол приглашен. «С удовольствием, – сказал мужик, – только чтобы и Гретель со мною же села», – и уселся с нею за стол.

Когда вошел слуга и принес блюдо с каким-то очень вкусным кушаньем, мужик толкнул жену под бок и шепнул ей: «Это первое», – намекая этим на блюдо.

А слуга-то подумал, что он сказал: «Это первый», – и этим хотел сказать: «Это первый вор», – намекая на воровство, в котором он и действительно принимал участие; вот слуга и перепугался, и сказал своим товарищам: «Доктор-то все знает! Беда нам! Ведь он сказал, что я первый!»

Другой совсем было и к столу не хотел идти, однако же должен был явиться против воли.

И чуть только он вступил в столовую со вторым блюдом, доктор Всезнайка опять толкнул свою жену под бок и шепнул: «Грета, ведь это второе».

И этот слуга перепугался и тоже поспешил уйти.

Третьему не лучше пришлось; и тому послышалось, что о нем мужик сказал: «Это третий!»

Четвертый должен был подать на стол закрытое блюдо, и хозяин дома сказал доктору: «Ну-ка, покажи свое искусство и отгадай, что на блюде положено?»

А на блюде были раки.

Мужик глянул на блюдо, не знал, как вывернуться, и сказал про себя: «Попался, несчастный Рак!»

Как услышал это богач, так и воскликнул: «Да, угадал! Он, верно, знает и то, кто мои деньги взял!»

Четвертый слуга этих слов насмерть испугался и подмигнул доктору, чтобы тот к нему вышел из-за стола.

Когда он вышел, все четверо слуг ему сознались, что украли деньги у господина своего; они охотно готовы были все вернуть, да еще и ему приплатить, как следует, если только он их не выдаст, потому что им будет плохо.

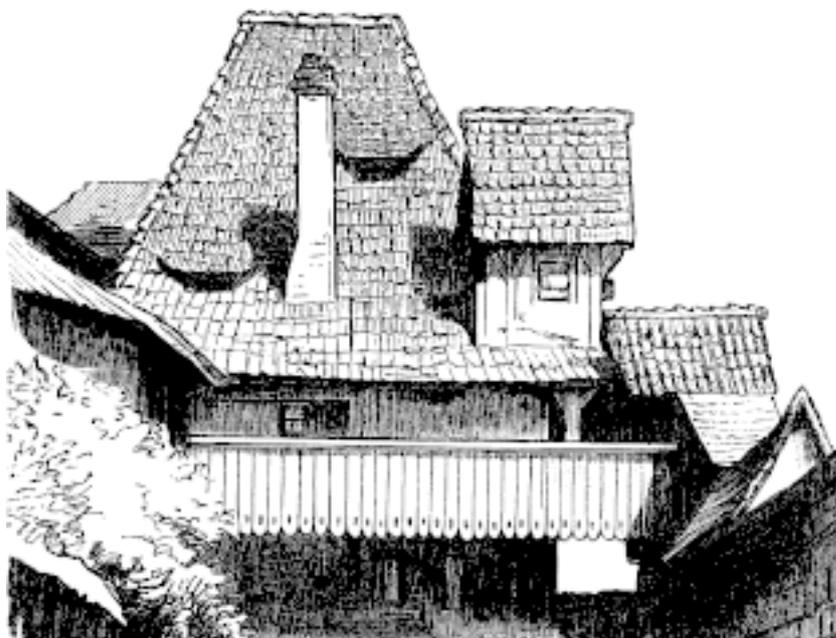
Указали они ему, где у них деньги припрятаны. Доктор Всезнайка остался всем этим очень доволен, вернулся к столу и сказал богачу: «Ну, сударь, надо теперь мне в свою ученую книгу заглянуть, чтобы точно сказать, где ваши украденные деньги припрятаны».

Тем временем пятый слуга залез в печку и хотел подслушать, что еще доктор знает.

А тот открыл азбуку и перелистывал ее, отыскивая изображение петушка; сразу он отыскать его не мог, да и сказал наконец: «Да знаю же я, что ты здесь, и до тебя доберусь-таки!»

Слуга-то в печке подумал, что доктор это о нем говорит, да как выскочит из печки, как крикнет: «Он все знает!»

И повел мужик богача к тому месту, где деньги лежали, а кто их украл, о том не сказал ему; получил от обеих сторон много денег в награду и прославился на весь околоток.

Дух в склянке

Маялся некогда на свете бедный дровосек, работая с утра до поздней ночи.

Скопив себе малую толику деньжонок, он сказал сыну: «Ты мое единственное детище, и я хочу свои деньги, заработанные кровавым потом, обратить на твоё обучение; если ты чему-нибудь путному научишься, то можешь пропитать меня на старости, когда мои руки и ноги служить не станут и я должен буду поневоле сидеть дома».

Пошел юноша в школу высшей ступени, стал учиться старательно, так что учителя его похваливали; в школе оставался он довольно долго. Пройдя и ещё одну школу, но не во всем ещё добившись полного знания, юноша затратил весь бедный достаток отца и должен был к нему вернуться.

«Жаль, – сказал отец с грустью, – жаль, что ничего более не могу тебе дать и по нынешней дороговизне не могу отложить ни грошика; зарабатываю только на насущный хлеб». – «Дорогой батюшка, – сказал юноша, – не заботьтесь об этом! Коли есть на то воля Божия, то все устроится к лучшему; я как-нибудь уж сам справлюсь».

Когда отец задумал ехать в лес на заготовку дров, чтобы на этом что-нибудь заработать, сын сказал ему: «Я пойду с вами и стану вам помогать». – «Сыночек, – сказал отец, – трудненько это тебе будет! Ведь ты к тяжелой-то работе не привычен и её не выдержишь; да к тому же у меня всего один топор, и денег нет на покупку другого». – «Ступайте к соседу, – сказал сын, – при займите у него топор на время, пока я сам себе на топор не заработаю».

Заял отец топор у соседа, и на следующее утро пошли они на рассвете в лес вместе. Сын помогал отцу и при этом был свеж и бодр.

Когда солнце стало у них над головою, отец сказал: «Вот теперь поотдохнем да пообедаем, так потом работа ещё лучше пойдет». Сын взял свой кусок хлеба в руки и сказал: «Вы, батюшка, отдохните; а я-то не устал, хочу побродить по лесу и поискать птичьих гнезд». – «Ох ты, шутник! Чего тебе там по лесу бегать? Ещё устанешь так, что и руки не поднять будет... Сидел бы лучше здесь со мною».

Однако же сын ушел в лес, съел свой хлеб и стал весело посматривать в чашу зеленых ветвей – не видно ли где гнезда? Так ходил он туда и сюда, пока не наткнулся на громадный ветвистый дуб, старый-престарый и толщиной-то в пять обхватов. Остановился он под дубом, посмотрел на него и подумал: «На этом дубу, вероятно, не одна птица свое гнездо свивает».

И вдруг ему показалось, что он слышит как будто чей-то голос... Стал прислушиваться и, точно, услышал, как кто-то говорил глухим голосом: «Выпусти меня, выпусти меня». Стал он кругом оглядываться и ничего не мог заметить; однако же показалось, будто голос выходил из-под земли.

Тут он и крикнул: «Да где же ты?» Голос отвечал: «Я тут, около корней дуба. Выпусти, выпусти меня!» Стал юноша рыться под деревом и разыскивать около корней, пока не отыскал небольшой стеклянный сосуд, запрятанный в ямке.

Поднял он склянку, посмотрел против света и увидел, что там прыгает что-то вроде лягушки. «Да выпусти же, выпусти меня!» – воскликнуло снова это существо, и юноша, ничего дурного не предполагая, вытащил пробку из склянки.

Тотчас же вышел из нее какой-то дух и начал расти, расти так быстро, что в несколько мгновений перед изумленным юношей предстало страшное чудовище, ростом с полдуба. «А знаешь ли ты, – воскликнуло чудовище страшным голосом, – чем вознагражу я тебя за то, что ты меня оттуда выпустил?» – «А почему мне знать?» – бесстрашно отвечал юноша. «Так знай, что я тебе за это шею сломаю!» – воскликнул дух. «Так ты бы мне это раньше

должен был сказать, – отвечал юноша, – тогда бы я тебя и оставил в склянке... А я перед тобой ни в чем не провинился, спроси у людей...» – «У людей? А мне что до того? – грозно продолжал дух. – Заслуженное тобою ты все равно должен получить. Или ты думаешь, что я в награду сидел так долго в склянке? Нет – в наказание! Я не кто иной, как могущественный Меркурий, и кто меня отсюда выпустил, тому я должен сломать шею». – «Ну, ну, потише! – отвечал смелый юноша. – Не спеши! Еще прежде-то я должен знать, точно ли ты сидел в этой небольшой склянке и действительно ли ты тот самый дух? Коли ты опять сумеешь в нее влезть, я тебе поверю, и тогда уж делай со мною, что хочешь».

Дух отвечал высокомерно: «Немудрено мне это доказать тебе», – свился в маленькое и тоненькое существо, каким был вначале, и влез через узкое горлышко в ту же склянку.

Но едва только он там очутился, юноша быстро заткнул склянку пробкой, бросил ее под корни дуба на старое место – и таким образом обманул духа.

Он уже собирался уйти к своему отцу, но дух стал жалобно кричать: «Ох, выпусти же, выпусти меня!» – «Ну, уж нет! – отвечал смельчак. – Во второй-то раз не выпущу! Кто на мою жизнь посягал, того уж я, конечно, не выпущу». – «Коли ты меня выпустишь, – крикнул дух, – я тебе столько дам, что тебе на весь твой век хватит!» – «Нет, ты меня обманешь, как и в первый раз!» – «Ты сам от своего счастья отказываешься, – сказал дух, – верь, что я ничего дурного тебе не сделаю, а напротив – награжу тебя!»

Смельчак подумал: «А дай-ка я попытаю, может быть, он слово-то и сдержит? Дурного же он мне ничего не может сделать».

Откупорил он склянку, и дух снова поднялся из нее, вытянулся и вырос в великана.

«Вот тебе твоя награда, – сказал он и подал юноше маленькую тряпочку вроде пластыря, добавив: – Если ты этим краем проведешь по ране, то рана заживет; а если другим краем потрешь сталь или железо, оно обратится в серебро». – «Это надо мне сначала испробовать», – сказал юноша.

Он подошел к дереву, рассек кору его топором и провел по этому месту одним краем тряпочки – кора плотно срослась, и след разреза изгладился. «Пожалуй, что ты и правду мне сказал, – проговорил юноша, обращаясь к духу, – теперь ступай своей дорогой». Дух поблагодарил его за свое освобождение, а юноша поблагодарил духа за подарок и направился к отцу своему.

«Где ты это носился? – спросил его отец. – Зачем забыл о работе? Я же ведь сразу тебе сказал, что ты на это дело не пригоден». – «Небось, батюшка, еще успею нагнать!» – «Ну да! Нагнать! Это уж не порядок!» – «А вот посмотрите, батюшка, как я сейчас это дерево срублю: только треск пойдет!»

Тут взял он свою тряпочку, провел ею по топору, и ударил им о дерево со всего размаха, но железо превратилось в серебро и лезвие топора загнулось.

Смельчак подумал: «А дай-ка я попытаю, может быть, он слово-то и сдержит? Дурного же он мне ничего не может сделать». Откупорил он склянку, и дух снова поднялся из нее, вытянулся и вырос в великана...

«Э-э, батюшка! Посмотрите, что это за дрянной топор вы мне дали – его совсем покривило!»

Отец перепугался: «Что ты наделал! Ведь я теперь должен буду уплатить за топор, а чем я платить буду? В этом только и весь прок от твоей работы!» – «Не сердитесь, батюшка! –

отвечал сын. – За топор уж я сам заплачу!» – «Ох, ты, дурень! – крикнул отец. – Из каких денег ты заплатишь? У тебя только то и есть, что я тебе дам! Набрался всяких ученых затей, а в дровосеки не годишься!»

Немного спустя сын сказал отцу: «Батюшка! Я без топора работать не могу, лучше пойдем домой, отдохнем». – «Что такое? – сказал отец. – Или ты думаешь, что я так же, как и ты, опущу ручки в кармашки? Я еще работать должен, а ты проваливай домой». – «Да я, батюшка, здесь, в лесу, еще впервой; я отсюда и дороги домой один не найду; пойдемте вместе».

Так как гнев у отца прошел, то он дал себя уговорить и пошел домой вместе с сыном.

Тут и сказал он сыну: «Сходи да продай за что ни на есть испорченный топор; к тому, что выручишь от продажи, я должен буду еще приработать, чтобы уплатить соседу за топор».

Сын взял топор и снес его в город к золотых дел мастеру; тот попробовал серебро, положил топор на весы и сказал: «Топор стоит четыреста талеров, столько у меня и наличных денег нет».

Юноша сказал: «Дайте сколько у вас есть, остальное пусть останется за вами в долгу».

Мастер дал ему триста талеров, а сто остался должен.

Затем пошел юноша домой и говорит отцу: «У меня есть деньги, сходите, спросите у соседа, сколько ему за топор следует?» – «Я и так знаю, – сказал отец, – следует один талер и шесть грошей». – «Ну, так дайте ему два талера и двенадцать грошей – ровно вдвое больше того, что следует; этого довольно! – а затем дал отцу сто талеров и добавил: – В деньгах у вас никогда не будет недостатка – живите, как вам вздумается». – «Боже ты мой! – воскликнул старик. – Да как ты такого богатства добился?»

Тогда сын рассказал отцу, как все произошло, и как он, понадеявшись на свое счастье, набрел на такую богатую находку.

И вот, с остальными деньгами он вновь возвратился в ту же школу, где обучался, и стал продолжать ученье, а так как он своим пластырем мог лечить все раны, то со временем он стал самым знаменитым во всем свете врачом.

100

Чумазый братец черта

Одному отставному солдату не на что было жить, и не знал он, как бы ему из той беды выпутаться. Вот он как-то вышел в лес, сколько-то прошел по лесу и там повстречал самого черта в виде маленького человечка. И сказал ему человечек: «Что с тобой? Что невесело смотришь?»

Отвечал ему солдат: «Еще бы! Голод мучит меня, а денег у меня нет!» Черт и сказал: «Если ты наймешься ко мне в слуги, тогда тебе достатка на весь век хватит; и служить тебе у меня придется всего семь лет, а там опять тебе воля вольная. Но только предупреждаю тебя: во все семь лет ты не должен ни мыться, ни чесаться, ни бриться, ни стричь ни ногтей, ни волос и глаз ни протирать». Солдат сказал: «Ну что же? Пусть так и будет, коли нельзя иначе», – и пошел вслед за человечком, который повел его прямехонько в ад.

Там черт указал ему, что он должен был делать: огонь поддерживать под котлами, где сидели грешники, чистоту соблюдать в доме, сор за дверь выносить и всюду смотреть за порядком; но если он хоть разок заглянет в котлы, ему и самому несдобровать. «Ладно, – сказал солдат, – я все это справлю».

Затем старый черт отправился опять в свои странствия, а солдат приступил к исполнению своих обязанностей: стал подкладывать в огонь, подметать сор и выносить за двери – все, как было ему приказано.

Когда старый черт вернулся из странствий, он посмотрел, все ли исполнено по его приказу, остался, по-видимому, доволен и вторично удалился.

Он увидел там своего прежнего унтер-офицера! «А, голубчик! – сказал солдат. – И ты здесь? Прежде я у тебя был в руках, а теперь ты у меня!»

Солдат тем временем успел оглядеться и высмотрел, что котлы стояли кругом всей преисподней, под ними разведены были большие огни, а в котлах что-то варилось и клокотало. Ему смерть как хотелось заглянуть в котлы, да уж черт-то ему строго-настрога это запретил! Наконец он не мог выдержать: у первого котла чуть-чуть приподнял крышку и взглянул туда.

И что же?

Он увидел там своего прежнего унтер-офицера! «А, голубчик! – сказал солдат. – И ты здесь? Прежде я у тебя был в руках, а теперь ты у меня!» – опустил крышку, поправил огонь да еще полешко подложил.

Затем пошел он ко второму котлу и у него тоже немного приподнял крышку, заглянул – и увидел там своего прапорщика. «А, голубчик! И ты здесь! Прежде ты меня в руках держал, теперь я тебя!» – опять захлопнул крышку и еще чурбашку подкинул, чтобы жару подбавить.

Захотелось ему взглянуть, кто в третьем котле сидит, – и увидел там генерала. «А, голубчик! И ты здесь! Прежде я у тебя был в руках, а теперь ты у меня», – сходил он за мехами да хорошенько раздул под котлом огонь.

Так и правил он в течение семи лет свою службу в аду – и не мылся, не чесался, не брился, ни ногтей, ни волос не стриг и глаз не промывал; и семь лет показались ему так коротки, чуть не полугодом.

Когда срок службы минул, пришел к солдату черт и говорит: «Ну, Ганс, что ты делал?» – «А вот я огонь под котлами разводил, везде подметал и сор за дверь выбрасывал». – «Но ты и в котлы тоже заглядывал; еще счастье твое, что ты под те котлы дров подкладывал, а не то пришлось бы тебе с жизнью проститься. Теперь твой срок службы миновал, небось, домой вернуться хочешь?» – «Да, хотелось бы посмотреть, что там мой батька подельывает». – «Ну, так вот, в награду за службу поди да набей себе полон ранец сором; его и домой захвати. Да смотри, уйди туда нечесаный и невымытый, с неостриженными ногтями и бородой, с длинными волосами и непромытыми глазами, и когда тебя станут спрашивать, откуда ты идешь, ты отвечай прямо – из ада; а спросят, кто ты таков, скажи, что ты Чумазый братец черта и сам себе господин».

Солдат промолчал и все исполнил, что ему черт приказал, хотя и не был своею наградою доволен.

Очутившись снова на белом свете среди леса, снял он свой ранец со спины и хотел было его вытрясти; открыл его, а там вместо сора – чистое золото.

«Вот этого уж я и не думал», – сказал он, был очень доволен таким превращением и вошел в город.

Пред дверьми гостиницы стоял хозяин, и когда солдат подошел к нему, тот перепугался, потому что солдат показался ему страшнее пугала огородного.

Он его к себе подозвал и спросил: «Откуда ты?» – «Из ада». – «А кто ты таков?» – «Чумазый братец черта и сам себе господин». Хозяин не хотел было и впускать его в гостиницу; но когда солдат показал ему золото, тот побежал, и сам перед ним двери распахнул.

Приказал солдат отвести себе лучшую комнату, ел и пил вдоволь, но не мылся и не чесался, как ему черт приказал; так и спать лег.

У хозяина же этот ранец, набитый золотом, из ума не шел и покоя ему не давал; наконец он ночью в комнату к солдату пробрался и ранец украл.

На другое утро, поднявшись с постели, Ганс захотел рассчитаться с хозяином и идти далее, а ранца около него не оказалось. Но он тотчас принял такое решение: «Без своей вины я в беду попал», – и немедленно повернул с пути прямо в преисподнюю.

Рассказал он там черту о своей напасти и стал просить его о помощи.

Черт и сказал ему: «Садись, я тебя умою, причешу, побрею, обстригу тебе ногти и волосы и глаза промою». И когда все это было сделано, он дал ему другой ранец, полнехонек сору, и сказал: «Ступай и скажи хозяину гостиницы, чтобы он тотчас же возвратил тебе твое золото, а не то я сам к нему явлюсь и унесу его сюда – пусть здесь заместо тебя огонь под котлами разводит».

Солдат вышел из ада, пришел к хозяину и сказал ему: «Ты у меня украл золото; если не отдашь его, то придется тебе идти в ад на мое место и будешь ты выглядеть таким же

чудовищем, как и я». Хозяин поспешил ему возвратить украденное золото, прося никому о том не сказывать; и солдат с той поры разбогател не на шутку.

Направился он к своему отцу, купил себе какой-то плохонький холщовый сюртучишко и стал всюду на пути всех музыкой забавлять: он музыке научился у черта в аду.

Пришлось ему однажды играть перед стариком-королем, и тому так его музыка понравилась, что он пообещал за него выдать замуж старшую дочь.

Но чуть только дочь услышала, что она должна выйти за такого побродягу в дрянном белом сюртучишке, она сказала отцу: «Нет, уж я лучше утоплюсь, чем за него замуж пойду».

Король не стал с нею спорить: отдал за него младшую, которая вышла за солдата по любви к отцу; таким образом чумазый братец черта получил королевну в жены, а по смерти короля – и все его королевство.

101

Медвежник

Жил-был некогда на свете молодой парень, которого завербовали в солдаты; он бился храбро и был всегда впереди там, где сыпался свинцовый горох. Пока длилась война, все шло ладно; но с заключением мира он получил отставку, и капитан сказал ему, что он может идти на все четыре стороны.

Родители его уже померли, родительского крова у него не было; вот и пошел он к своим братьям и стал их просить, чтобы они прокормили его до начала новой войны.

Но братья его были жестокосердны и сказали: «Где нам с тобой возиться? Ты нам не нужен – поди, сам себя пропитывай». У солдата за душою было только его ружье, его и взял он на плечо и задумал с ним брести по свету.

Вот и пришел он на большую поляну, на которой ничего не было, только деревья кругом росли; под одним из них и присел бедняк и стал о своей судьбе раздумывать. «Денег у меня нет, – думал он, – и ничему-то я не научен, кроме военного ремесла; а теперь, как мир заключен, так и не нужен я никому; вперед вижу, что придется подохнуть с голода».

Вдруг послышался какой-то шум, и когда он оглянулся, то увидел перед собою незнакомца в зеленой одежде, молодежавшего на вид, но с прескверными лошадиными копытами вместо ног. «Знаю я, что тебе нужно, – сказал он солдату, – денег и всякого добра у тебя будет столько, сколько у тебя хватит сил потратить; но только я вперед должен знать, что ты не трус, чтобы не даром на тебя тратить деньги». – «Солдат, да чтобы трусом был! Об этом я что-то не слышал... А впрочем, можешь испытать меня». – «Ладно, – сказал незнакомец, – вот, оглянись-ка назад».

Солдат оглянулся и увидел большого медведя, который с урчаньем шел прямо на него. «Ого! – сказал солдат. – Дай-ка я тебя, приятель, так под носом пощекочу, что у тебя к урчанию охота пропадет!» – приложился и выстрелом свалил медведя недвижным на землю.

«Вижу, – сказал незнакомец, – что у тебя нет недостатка в храбрости; но я должен предложить тебе еще одно обязательное условие...» – «Если только оно не помешает спасению моей души, – сказал солдат (он уж знал, с кем имеет дело), – а то я ни за что не соглашусь». – «А вот сам увидишь, – сказал незнакомец, – ты должен пообещать мне, что в ближайшие семь лет не будешь мыться, бороды и волос не будешь чесать, ногтей не станешь стричь и молитв читать не будешь. Сверх того, я дам тебе такую одежду и плащ, которые ты в течение этого времени должен носить не снимая. Коли ты не умрешь в течение этих семи лет, то ты будешь свободен и богат на всю жизнь».

Солдат подумал о той крайности, в которой он находился, вспомнил, сколько раз случилось ему идти на смерть, и решился еще раз в жизни рискнуть, и дал свое согласие черту.

Тот снял с себя зеленую одежду, подал ее солдату и сказал: «Если ты это платье наденешь и сунешь руку в карман, то всегда вынешь из него полнешенькую горсть денег».

Потом он содрал с медведя шкуру и сказал: «Эта шкура должна тебе служить плащом и постелью; на ней ты должен спать и ни в какую иную постель не ложиться. По этому плащу ты и должен называться медвежником».

Сказав эти слова, черт исчез.

Солдат надел зеленую одежду, сунул тотчас руку в карман и нашел, что все сказанное дьяволом было совершенно верно.

Затем накинул он на плечи медвежью шкуру, побрел по белу свету, был очень весел и доволен и не упускал случая повеселить себя и потратить деньги.

В первый год перемена в нем была еще не очень заметна, но во второй он уже смотрелся настоящим чудовищем. Волосы почти закрывали ему лицо, борода походила на сплошной

кусок грубого войлока, на пальцах были словно когти, а на лице – такой слой грязи, что хоть траву на нем сей.

Кто его видел, тот от него прочь бежал; но так как он всюду раздавал бедным деньги, прося их молиться за него и просить у Бога, чтобы он в

течение семи лет не умер, так как притом он за все отлично расплачивался, то он все же еще находил себе всюду приют.

Но на четвертый год пришел он в гостиницу, и хозяин ее уже не хотел его впускать и даже в хлеву не соглашался поместить его, потому что боялся лошадей своих перепугать.

Однако же, когда медвежник сунул руку в карман и вытащил оттуда горсть дукатов, то хозяин несколько смягчился и отвел ему комнатку в заднем флигельке.

Но все же взял с него слово, что он не будет никуда из комнаты выходить, чтобы не пустить дурную славу об его гостинице.

В тот день вечером, когда медвежник сидел один и от всей души желал, чтобы условные семь лет поскорее прошли, он услышал в одной из смежных комнат громкий жалобный плач. Сердце у него было сострадающее; он отворил дверь в соседнюю комнату и увидел там пожилого человека, который плакал навзрыд, в отчаянии беспрестанно хватаясь за голову.

Медвежник подошел к нему, но тот вскочил и собрался бежать. Наконец, несколько оправившись от испуга и услышав человеческий голос, он опомнился, и медвежнику ласковым обращением к нему удалось-таки выяснить повод его сокрушений.

Оказалось, что его состояние мало-помалу разлетелось прахом; он и его дочери должны были терпеть крайнюю нужду во всем. Наконец, он так обеднял, что ему нечем было заплатить хозяину за квартиру, и ему грозила тюрьма.

«Коли у вас нет никаких других забот, – сказал медвежник, – то денег у меня достаточно, и я могу вам помочь». Он призвал хозяина, уплатил ему долг постояльца и сверх того сунул еще несчастному в карман полный кошелек золота.

Когда старик был таким образом избавлен от своих тяжких забот, он уже не знал, чем выразить признательность к своему благодетелю. «Пойдем ко мне, – сказал он, – дочери у меня чудные красавицы; выбирай себе из них любую в жены. Когда они узнают, что ты для меня сделал, то ни одна из них тебе не откажет. Ты, правда, не особенно красив; ну да жена тебя сумеет привести в порядок».

Медвежнику это предложение пришлось по сердцу, и он пошел за своим новым знакомцем.

Когда старшая дочь его увидела, она так ужаснулась его внешности, что взвизгнула и прочь побежала; другая, хотя и не побежала, оглядела его от головы до пяток, однако же сказала: «Как же могу я взять себе в мужья того, кто и облика человеческого не имеет? Да я скорее вышла бы замуж за обритого медведя, которого мы здесь однажды видели; он старался казаться человеком – на нем был и гусарский ментик, и белые перчатки. Будь он только безобразен, я бы еще как-нибудь могла с ним свыкнуться...»

...лицо медвежника было прикрыто волосами и густым слоем грязи...

А младшая дочь сказала: «Милый батюшка, это, верно, хороший человек, потому что он помог вам выпутаться из нужды; и если вы ему в награду за эту услугу обещали дочь в невесты, то ваше слово должно быть твердо».

Жаль, что лицо медвежника было прикрыто волосами и густым слоем грязи, а то было бы видно, как его сердце радовалось, когда он услышал эти добрые слова!

Он снял кольцо с пальца, разломил его пополам и отдал одну половинку ей, а другую удержал при себе. На ее половинке написал он свое имя, а на своей половинке ее имя и просил ее тщательно поберечь эту половинку.

Затем он простился с ней и сказал: «Я должен еще три года странствовать по белу свету, и если не вернусь по истечении их, то ты свободна – это будет значить, что я умер. Но моли же Господа о том, чтобы он сохранил мне жизнь».

Бедная невеста оделась вся в черное, и каждый раз, как ее жених приходил ей на память, слезы навертывались у нее на глаза. Со стороны сестер своих она видела только насмешки и глумление. «Смотри, – сказала старшая, – не давай ему руки, а то он, пожалуй, по руке ударит

тебя лапой!» – «Берегись, – говорила вторая сестра, – медведи ведь большие сластены; так если ты ему понравишься, он, пожалуй, еще съест тебя». – «Тебе всегда придется исполнять его волю, – говорила старшая, – а не то он, пожалуй, еще ворчать станет». А вторая сестра подхватывала: «Ну, зато свадьба будет веселая – медведи-то ведь хорошо пляшут!»

Невеста молчала и не давала сбить себя с толку.

А медвежник тем временем бродил по белу свету из места в место, делая добро, где мог, и подавал бедным щедрую милостыню, прося их, чтобы они за него молились.

С рассветом последнего дня условленных семи лет он снова вышел на ту же поляну и сел под одно из деревьев, которые росли кругом ее. Вскоре засвистал ветер, и черт явился перед ним хмурый и сердитый; он бросил ему старое его платье, а от него потребовал обратно свою зеленую одежду. «Нет, погоди еще! – сказал медвежник. – Сначала ты еще меня очистить должен».

Волей-неволей пришлось черту воды принести, чтобы обмыть медвежника, пришлось расчесать ему волосы и обрезать ногти, и стал он по-прежнему бравым военным да еще, пожалуй, красивее прежнего.

Когда черт благополучно удалился, то у медвежника полегчало на сердце.

Он пошел в город, оделся в богатую бархатную одежду, сел в повозку, запряженную четверкой резвых саврасых коней, и поехал к дому своей невесты.

Никто его узнать не мог. Отец невесты счел его за знатного полковника и ввел прямо в комнату, где сидели его дочери.

Он должен был сесть за столом между двумя старшими: они угощали его вином, клали ему на тарелку лучшие куски, и им казалось, что они еще никогда не видывали мужчины красивее его. Невеста же сидела против него в своем черном платье, глаз на него не поднимала и слова не проронила.

Когда же он, наконец, спросил отца, не отдаст ли он за него одну из своих дочерей, обе старшие дочери вскочили из-за стола и побежали в свою комнату, собираясь нарядиться в лучшие платья, потому что каждая из них воображала, что именно она и есть избранница этого красавца.

Приезжий гость, оставшись наедине со своею невестою, вынул половинку кольца и бросил в тот кубок, который он ей подал. Она приняла кубок, выпила его – и как же забилось ее сердце, когда она увидела на дне половинку кольца!

Она вынула свою половинку кольца, которую носила на шее на ленточке, приложила ее к этой половинке, и оказалось, что обе части как раз подходят одна к другой.

Тогда он сказал ей: «Я твой нареченный жених, которого ты видела медвежником; но теперь по милости Божией я вновь получил свой человеческий образ и вновь очистился». Он подошел к ней, обнял ее и поцеловал.

Между тем обе сестры невесты вошли в комнату в полном наряде, и когда увидели, что приезжий красавец достался на долю их младшей сестры, да еще услышали, что он и есть тот самый медвежник, они выбежали из комнаты, исполненные злобы и ярости: одна утопилась в колодце, другая повесилась на первом же дереве.

Вечером кто-то постучался у дверей дома невесты, и когда жених отпер двери, то увидел перед собою черта в его зеленой одежде. «Видишь, – сказал черт, – за одну твою душу я теперь две души получил!»

102

Королек и медведь

Однажды летом вышли медведь и волк в лес на прогулку, и услышал медведь такое чудесное пение какой-то птицы, что даже спросил: «Братец волк, что это за птичка, что так хорошо поет?» – «О, это царица всех птиц, – сказал волк, – перед нею все мы должны преклоняться...»

А птица-то была королек. «Коли так, – сказал медведь, – так мне бы очень хотелось посмотреть на ее царский дворец; пойдем, сведи меня туда». – «Так-то не положено, – сказал волк, – тебе придется подождать прибытия самой царицы».

Вскоре после того прилетела госпожа царица и корм держала в клюве, и супруг ее тоже, и оба собирались кормить своих птенцов. Медведь охотно бы последовал за ними, но волк удержал его и сказал: «Нет, ты должен обождать, пока царь и царица опять отлетят».

Заметили они то дупло, в котором было свито гнездо королька, и пошли прочь.

Но медведю не терпелось: хотелось посмотреть на царский дворец, и он немного спустя опять вернулся на то же место.

А царь-то с царицею как раз в это время были в отлете; заглянул медведь в дупло и видит – лежат там пять или шесть птенцов в гнезде. «Так это-то есть царский дворец? – воскликнул медведь. – Ну и жалкий же этот дворец! Да и вы, какие вы царские дети? Вы – просто подкидыши!» Как услышали это юные птенцы-корольки, так и озлились, и закричали: «Нет, мы не подкидыши! Наши родители честные люди! Медведь! Так и знай – придется тебе за эти слова отвечать!»

Медведь и волк этой угрозы испугались, они повертели оглобли и убрались в свои берлоги.

А юные птенцы-корольки продолжали кричать и шуметь, и когда их родители опять вернулись с кормом, они им сказали: «Мы не прикоснемся ни к одной мушиной ножке, хотя бы нам пришлось и помирать с голода, пока вы не подтвердите нам, что мы дети честных родителей, а не подкидыши! А то приходил сюда медведь и осмелился нас так выбрать!»

Тогда сказал старый королек: «Успокойтесь, это будет доказано!» Затем он полетел со своею супругою к пещере медведя, опустился перед входом в нее и крикнул туда: «Старый ворчун-медведь, зачем ты выбрал моих детей? Это тебе даром не пройдет – мы это дело кровавой войной решим!»

Таким образом объявлена была медведю война, и на нее были призваны все четвероногие: бык, осел, весь рогатый скот, олень, лось и все, какие ни есть звери на земле. А королек созвал всех летающих в воздухе: не только птиц, больших и малых, но также и мух, и комаров, и пчел, и шершней.

Когда пришло время войне начинаться, королек выслал разведчиков, чтобы узнать, кто назначен главным командиром в неприятельском войске.

Комар был на этой стороне хитрее всех, летал по лесу, где неприятель собирал свои силы, и наконец уселся под листком на дереве, под которым неприятельским войском был принят пароль.

Вот и поднялся со своего места медведь, подозвал к себе лиса и сказал: «Лис, ты лукавее всех зверей! Тебе и быть генералом и командовать нами». – «Хорошо, – сказал лис, – но какой же условный знак нам принять?»

Никто не знал.

Тогда лис проговорил: «Хвост у меня прекрасный, длинный и пушистый, и очень напоминает собою пучок красных перьев; если я хвост буду держать прямо и вверх, это будет

значить, что все идет ладно, и вам всем тогда наступать следует; а если я опущу хвост, то бегите что есть мочи».

Все это выслушал комар, полетел обратно и обо всем в подробности доложил королю.

Когда наступил тот день, в который предстояло дать решительную битву, сбежалось все четвероное воинство с таким шумом, что земля от него дрожала.

И король также прилетел по воздуху со своим войском, которое кричало, носилось и жужжало в воздухе так, что становилось страшно; и стали оба войска сходить на битву...

А король и выслал шершня, приказав ему ужалить лисицу в самый хвост.

После первого укола жалом лисица только вздрогнула да ногой дрыгнула, однако же вынесла боль и все еще продолжала держать хвост прямо и высоко; при втором уколе жала она хвост на мгновение опустила; при третьем уколе – не выдержала, взвизгнула и подвернула хвост между ног.

Чуть только это звери увидели, им пришло в голову, что все уже потеряно, и все они пустились бежать, каждый к своему логовищу.

Так птицы и выиграли сражение.

Тогда полетели король и его супруга к своим деткам и закричали им: «Детки, радуйтесь, и кушайте, и пейте на здоровье – победа за нами!» Молодые птенчики, однако же, отвечали: «И теперь еще есть не станем; пусть-ка прежде медведь придет к нашему гнезду да извинится и признает, что мы дети честных родителей».

Полетел король к логовищу медведя и крикнул: «Старый ворчун, ступай-ка к гнезду моих птенцов, проси у них прощенья да признай их детьми честных родителей, не то у тебя все ребра пересчитаю».

И вот полз медведь в великом страхе к гнезду и просил извинения.

Только тут уж юные птенцы короля были вполне удовлетворены, сели в кружок, стали есть и пить, и веселились до поздней ночи.

103

Сладкая каша

Жила-была бедная богобоязненная девочка; жила она со своею матерью одна, и есть у них стало нечего. Тогда вышла она в лес и повстречалась там со старухою, которая уже заранее знала, в чем ее горе. И подарила та старуха ей горшочек, да такой, что ему стоило только сказать: «Горшочек, вари!» – и он начинал варить чудесную, сладкую кашу. А скажешь ему: «Горшочек, полно!» – и он тотчас же переставал варить. Принесла девочка свой горшочек к матери домой, и таким образом они от голода и бедности были избавлены и могли кушать сладкую кашу, сколько душе угодно.

Случилось однажды, что девочки не было дома, а ее мать возьми и скажи: «Горшочек, вари!» И стал он варить, и наелась она досыта; затем захотела мать, чтобы он не варил больше, да слово-то и позабыла... А горшочек-то варит да варит: каша уж и через край вылезает, а он все варит; уж и кухня, и весь домик кашей наполнились, а затем и соседний дом, и вся улица кашей залиты, словно бы горшочек задумал наварить каши на весь белый свет. И беда для всех настала, и никто не мог той беде помочь. Наконец, когда уже изо всей деревни один только домик остался кашей не залит, вернулась девочка домой и только сказала: «Горшочек, полно!» – и перестал горшочек варить...

А наварил он столько, что, если кому надо было в город из деревни ехать, тот должен был себе в каше проехать дорогу!

104 Умные люди

Как-то раз достал мужик из угла свою палку и стал говорить жене своей: «Трина, надо мне далеко отсюда сходить, и только дня через три могу я опять вернуться. Если этим временем заглянет к нам торговец скотом да задумает купить наших трех коров, то ты можешь их отдать ему, но не дешевле чем за двести талеров, слышишь ли?» – «Ступай с Богом, – отвечала жена, – уж я это все справлю». – «Ну да, справлю! – ворчал муж. – Была ты умна в детстве, да голову зашибла, с тех пор и ум у тебя вышибло!.. Но я тебе вперед говорю: если ты тут что-нибудь напутаешь, я тебе так спину палкой нагрею, что целый год помнить будешь!» Затем он и пустился в дорогу.

На другое утро пришел торговец скотом, и хозяйке не пришлось с ним много разговаривать. Осмотрев коров и узнав их цену, он сказал: «Эту цену дам охотно, потому они ее стоят. Сейчас их с собою и возьму». Он отвязал их от стойла и выгнал из хлева во двор.

Уж он собирался и ворота отпирать, чтобы вывести их на улицу, когда хозяйка ухватила его за рукав и сказала: «Ты прежде отдай мне двести талеров, а не то я скота отпустить не могу». – «Это верно! – отвечал торговец. – Да вся беда в том, что я свой кошелек дома забыл. Да вы не тревожьтесь, я обеспечу вам уплату. Двух-то коров возьму с собою, а третью оставлю у вас – она будет вам служить хорошим залогом».

Хозяйке это понравилось, она отпустила торговца с его коровами и подумала: «Вот Ганс-то мой как порадуется, когда увидит, что я так умно распорядилась!»

...едет по дороге телега, и на телеге едет баба стоя...

Муж вернулся, как и сказал, на третий день и тотчас спросил, проданы ли коровы. «Ну, конечно, – отвечала ему жена, – и как ты сказал, за двести талеров. Пожалуй, они столько-

то и не стоили, да торговец взял их не противореча». – «А деньги где?» – спросил муж. «Да денег-то у меня нет, – отвечала жена, – он, видишь ли, забыл свой кошелек дома и обещал их вскоре принести; зато он оставил мне хороший залог». – «Какой залог?» – «А одну из трех коров; и он не ранее ее получит, как заплатив за остальных двух. Да я к тому же умно распорядилась – оставила из трех коров ту, которая поменьше, благо и ест она меньше всех».

Муж, конечно, разгневался, взмахнул своей палкой и собирался немедленно ей выдать обещанную награду, но вдруг опустил палку и сказал: «Вижу, что ты глупее всех баб во всем Божьем мире, но мне тебя жаль... Вот пойду на дорогу и три дня сряду буду ждать, не встречу ли кого-нибудь глупее тебя. Если мне посчастливится, то я тебя избавлю от наказания; а не найду, так ты немедленно получишь то, что тебе следует».

Вышел он на большую дорогу и стал выжидать, что будет. Вот и видит: едет к нему по дороге телега и на телеге едет баба стоя, хотя ей было бы удобнее присесть на охапку соломы, положенную в телеге, или идти рядом с волами, впряженными в нее.

Мужик и подумал: «Ну, эта верно из тех, что мне нужны», – вскочил с места, и давай бегать, как полоумный, перед самой телегой. «Чего тебе надо, куманек? – спросила его баба. – Я тебя не знаю, откуда это ты взялся?» – «Да я с неба упал, – отвечал ей хитрец, – так не можете ли вы меня опять туда же взвести?» – «Нет, куманек, дороги туда не знаю. Но если ты точно с неба упал, то, конечно, можешь сказать, как там живет моему мужу – он уже там года три... Чай видел ты его там?» – «Видеть-то видел, да ведь нельзя же, чтобы всем хорошо жилось. Он там овец пасет, и эта скотинка не мало хлопот делает: то по горам лазает, то в глушь какую-нибудь затешется, а он всюду за ней бегает да сгоняет! Ну, и обтрепался, платишком пообносился – лохмотьями с тела сваливается. Портных там вовсе нет; Святой Петр, как ты сама по сказке знаешь, никого из них туда не впускает». – «Аи, батюшки! Кто бы это мог подумать! – вскрикнула баба. – А знаешь ли, что я сделаю? Принесу сюда его праздничное платье, которое еще висит у меня дома в шкапу, в нем он там еще и пощеголять может. А ты, уж будь так добр, возьми его доставить». – «Нет, так нельзя! – сказал хитрец. – Одежды никакой нельзя проносить с собою на небо, ее еще у ворот снимают». – «Ну, так вот что! – спохватилась баба. – Я вчера свою чудесную пшеницу продала и порядочные деньжонки за нее выручила, вот эти деньги-то и пошлю ему. Ведь уж если ты кошелек-то в карман сунешь, этого, конечно, никто не приметит». – «Ну, коли нельзя иначе, – возразил мужик, – так я тебе готов такое удовольствие сделать». – «Вот только посиди здесь, – сказала она, – я съезжу домой за кошельком и скорехонько вернусь. Я ведь не сажусь на вязанку соломы, а еду стоя, так волам легче».

И погнала волов; а мужик подумал про себя: «Ну, эта дура не из последних, и если она мне точно привезет деньги, то моя жена может порадоваться своему счастью, потому что я ее избавлю от побоев».

И точно, немного спустя, баба бегом прибежала, деньги принесла да еще сама ему в карман их сунула. Не удовольствовавшись этим, она еще перед уходом горячо его поблагодарила за его обязательность.

Придя к себе домой, баба повстречала сына, вернувшегося с поля. Она ему рассказала, каких диковинок наслушалась, и добавила еще: «Очень я рада тому, что представился мне случай послать кое-что моему бедненькому муженьку... Кто ж его знал, что он там, на небе, будет в чем-нибудь терпеть нужду».

Сын слушал ее, развеся уши от удивления, и сказал наконец: «Матушка, ведь таких-то выходцев с неба не каждый день встретишь! Вот и хочу я сейчас того человека разыскать; пусть он мне расскажет, каково там живут и как работают».

Он оседлал коня и помчался что есть мочи на розыски. Разыскал мужика; тот сидел под ивой и только что собрался считать деньги, полученные от его матери. «А не видал ли ты здесь человека, который с неба пришел?» – крикнул юноша нашему хитрецу. «Видел, он уже

в обратный путь направился и вот взобрался на ту гору, с которой ему все же до неба ближе путь. Ты его еще, пожалуй, и нагонишь, если поскачешь поскорее». – «Ах, – сказал юноша, – я за день-деньской поистомился, а едучи сюда и совсем устал; ты человека того знаешь, так садись на моего коня, поезжай да уговори его сюда вернуться». – «Ого! – подумал мужик. – У этого парня, кажется, тоже царя в голове нет!» И потом ответил: «Что же, придется сделать для вашего удовольствия», – вскочил в седло и поскакал крупной рысью.

Парень просидел на дороге до самой ночи, но мужик не вернулся к нему. «Верно, – подумал он, – тот, что с неба пришел, очень спешил туда возвратиться и потому не захотел сюда прийти, а мужик-то этот и отдал ему моего коня для передачи отцу моему».

Он пошел домой и сказал своей матери: «Я батюшке лошадь отправил, чтобы ему не все пешком за овцами-то там бегать». – «И отлично сделал, – ответила она, – ноги у тебя молодые, так ты можешь и без лошади обойтись».

А мужик, вернувшись домой, поставил коня рядом с коровой, оставленной в залог, потом пришел к жене и сказал: «Трина, на твое счастье, я нашел двоих, которые еще глупее тебя; на этот раз я тебя от побоев избавлю и приберегу их до другого раза».

Затем он закурил свою трубку, уселся в дедовское кресло и стал говорить: «Недурное дельце я обделал! За двух тощих коров получил в обмен сытую лошадь да еще туго набитый кошелек денег в придачу. Кабы с глупости-то всегда такие барыши приходилось брать, то я бы, пожалуй, ее и уважать готов».

Так мужик про себя раздумывал; но тебе-то, конечно, простодушные люди таких умников милее?

105 Сказки об уже

I

Малое дитяtko получало каждый день от матери блюдце молока со сдобными крошками и всегда выносило свое блюдце во двор.

Когда же дитя начинало кушать, то из стенной щели выползал домовый уж, опускал свою головку в молоко и питался вместе с дитятей.

Это дитяте нравилось, и когда случалось, что уж не тотчас являлся разделить скромную трапезу, дитя его начинало так выкликать:

Уж-ужок, иди ко мне,
Вылезай из щели,
Чтобы блюдце молочка
Мы скорее съели.

Тогда уж вылезал поспешно и принимался за молоко. В благодарность за это он приносил для ребенка из своей скрытой казны всякие хорошие вещи – блестящие камешки, жемчуг и золотые игрушки. Но питался уж только молоком, а к крошкам и не притрагивался.

Вот однажды дитя взяло в руки ложечку, легонько ударило ужа по головке и сказало: «Ты должен и крошки есть».

Мать тем временем стояла на кухне, услышала, что дитя с кем-то говорит и, увидев, что оно бьет ужа по головке, выскочила из кухни с поленом и пришибла бедного ужа насмерть.

С того времени в ребенке произошла какая-то перемена. Пока уж ел с ним из одного блюдца, ребенок и вырос, и окреп, а тут вдруг побледнел и стал хиреть.

Немного спустя не к добру стала завывать над домом ночная птица, а красношейка стала собирать листочки и веточки для могильного веночка – и вскоре после того ребенок уж лежал в гробу.

II

Бедная сиротка сидела у городской стены и пряла, и вдруг увидела, как уж выполз из одного отверстия в стене.

Она тотчас разостлала свой голубой шелковый платочек около себя, аужи этот цвет очень любят да на него только и идут.

Как только уж это увидел, сейчас повернул к своей щели, опять выполз из нее и принес маленькую золотую коронку, положил на платок и опять уполз.

Девочка забрала ту коронку, сплетенную из тонкой золотой проволоки, чтобы любоваться блеском ее.

Вскоре после того уж и еще раз выполз; но, увидев, что коронки уже нет на платке, он всполз на стену и до тех пор бился изо всех сил о стену головою, пока не упал со стены мертвый.

Кабы девочка на ту коронку не польстилась, уж, вероятно, еще более натаскал бы ей сокровищ из своей норы.

III

Кличет уж: «Гу-гу! гу-гу». Говорит дитя: «Выходи сюда! Ну!»
Выходит уж, и спрашивает у него дитя про свою сестричку: «Не видал ли ты где Красного Чулочка?»

Говорит уж: «Нет, не видал: а ты как? Гу-гу, гу-гу, гу-гу».

106

Бедный батрак на мельнице и кошечка

Жил на старой мельнице старик-мельник; не было у него ни жены, ни детей, и только три батрака находились у него в услужении.

После того как они пробыли у него уже несколько лет, он им сказал однажды: «Я уже стар и не прочь бы на печку завалиться; а вы ступайте по белу свету, и тот из вас, который приведет мне лучшего коня, получит от меня мельницу во владение да пусть уж меня до самой смерти и прокармливает».

А третий-то батрак работал на засыпке, и все его считали глупым и мельницу ему не прочили; да и сам-то он не думал, что она ему достаться может.

Вот и вышли они все трое на поиски, и когда пришли к первой деревне, то двое старших сказали глупому Гансу: «Оставайся-ка ты здесь, все равно тебе ни в жизнь не добыть ни одной клячи!»

Ганс, однако же, от них не отставал, и когда наступила ночь, подошли они втроем к пещере, в которой и легли спать. Те двое, что поумнее, дождались, пока Ганс заснул, а затем встали и ушли, покинув Ганса одного, и думали, что очень хитро поступили (а им еще придется за это поплатиться!). . .

Когда солнце взошло и Ганс проснулся, он увидел, что лежит в глубокой пещере; стал кругом оглядываться и воскликнул: «Господи, да где же это я?» Тут он поднялся, выкарабкался из пещеры, вышел в лес и подумал: «Один я здесь и покинут всеми! Как доберусь я теперь до своего коня?»

Между тем как он так шел и раздумывал, попалась ему навстречу маленькая пестрая кошечка и сказала ему ласково: «Ганс, куда ты собрался?» – «Ах, отстань! Ведь ты мне ни в чем не можешь оказать помощи!» – «Я знаю, чего ты желаешь, – сказала кошечка, – ты хочешь сыскать красивого коня. Пойдем со мною и будь ты мне в течение семи лет верным слугою; так я тебе такого коня достану, какого ты в жизни в глаза не видывал!»

«Предиковинная кошка, – подумал Ганс, – но я все же хочу посмотреть, правду ли она говорит».

И вот она взяла его с собою в свой заколдованный замок, где вся прислуга у нее состояла из кошечек; и все проворно и весело бегали по лестницам вверх и вниз.

Вечером, когда кошечка с Гансом за стол садились, три кошки должны были утешать их музыкою: одна играла на контрабасе, другая на скрипке, третья в трубу трубила, преусердно раздувая щеки.

Чуть они кончали обедать, стол тотчас выносился, кошечка говорила: «Ну-ка, Ганс, потанцуй со мной». – «Нет, – отвечал он, – с кошкой я никогда не танцевал и танцевать не стану». – «Ну, так уложите его спать», – говорила кошечка остальным кошкам.

Тогда одна светила ему свечей в его опочивальне, другая разувала его, третья снимала с него чулки, четвертая задувала свечку, когда он был раздет.

Наутро они опять приходили и помогали ему выбраться из постели: одна надевала ему чулки, другая подвязывала подвязки, третья приносила обувь, четвертая умывала его и потом утирала ему лицо своим хвостиком. «Это она очень ловко и мягко умеет делать», – говорил Ганс.

Но и он, в свою очередь, должен был служить кошечке и каждый день рубить дрова; на это выдавался ему топор серебряный, и клин, и пила – тоже серебряные, и колотушка медная.

И вот он колол себе дрова для кошечки, жил у ней в доме, сладко ел и пил, но ни с кем ни разу не виделся, кроме пестрой кошечки и ее свиты.

Однажды она сказала ему: «Ступай и выкоси мне мой лужок да высуши мне траву».

И дала ему косу серебряную и брусок золотой, но приказала все ей возвратить.

Ганс пошел и исполнил то, что ему было приказано; выкосив луг, он принес косу, брусок и сено обратно и спросил, не может ли она теперь ему выплатить заслуженное им вознаграждение. «Нет, – сказала кошечка, – прежде ты мне должен еще одно дело сделать: вот тут и бревна на строение серебряные, и топор, и скрепы, и все необходимое тоже из серебра; построй мне из всего этого небольшой домик».

«Ну, так уложите его спать», – говорила кошечка...

Ганс домик построил и сказал, что теперь он все выполнил, а лошади обещанной все еще нет.

А между тем условные семь лет протекли словно полгода. Спросила его кошечка, не хочет ли он выбрать из ее лошадей. «Хочу», – сказал Ганс. Тогда она ему открыла домик, и, чуть только дверь отворилась, видит он – стоят там в стойле двенадцать лошадей, статных да красивых таких, что на них сердце радовалось!

Потом она его накормила и напоила и сказала: «Ступай теперь домой; твоего коня я тебе не дам с собою, а вот через три дня сама приеду и коня приведу».

Вот и собрался Ганс в дорогу, и она сама ему показала, как пройти на мельницу, но не дала ему даже и нового платья, и должен он был остаться в старом, заштопанном полукафтани, а он за семь лет стал ему всюду и короток, и узок.

Когда он домой вернулся, то и другие два батрака тоже пришли на мельницу: оба привели коней с собою, да у одного-то конь был хром, а у другого – слеп.

Спросили его батраки: «Ганс, а где же твоя-то лошадь?» – «Через три дня будет здесь».

Те расхохотались и сказали: «Ну, да уж коли ты-то лошадь добудешь, так уж настоящая будет!»

Пошел Ганс в дом, но мельник сказал ему, чтобы он с ними не садился за стол – такая-то у него одежонка рваная и лохмотная, что пришлось бы за него стыдиться, если бы кто чужой вошел. Вот и вынесли они ему немного еды за двери, и когда вечером все спать пошли, то двое других не хотели ему и постели дать, и он, наконец, должен был забраться в гусиный загон и улечься на жесткой соломе.

Наутро, когда он проснулся, три дня-то уж и миновали; и вдруг подъехала повозка, запряженная шестериком коней, и все они так и блестели – посмотреть любо!

А при повозке был и слуга, который вел в поводу седьмую лошадь для бедного Ганса.

Из повозки же вышла красавица-королевна и вошла на мельницу, и эта королевна была та самая кошечка, у которой бедный Ганс семь лет прослужил.

Она спросила у мельника, где его младший батрак. Мельник отвечал ей: «Того мы и пустить на мельницу не можем – он весь в лохмотьях; ну и валяется где-то в гусином загоне».

Королевна приказала сейчас его позвать. Привели его, и он вынужден был рукой придерживать свой полукафтан, чтобы прикрыть прорехи на нем.

Тут слуга королевны развязал чемодан с богатым платьем, вымыл батрака и приодел, и вышел он король-королем. Затем королевна захотела посмотреть на тех лошадей, которые приведены были другими батраками: одна оказалась хромой, другая – слепой.

Тут приказала она своему слуге привести седьмую лошадь; как увидел ее мельник, так и сказал, что такой лошади еще у него на дворе и не бывало.

«А эту лошадь я привела твоему младшему батраку», – сказала королевна. «Ну, так ему отдаю и мельницу», – сказал мельник.

Но королевна подарила мельнику коня да оставила за ним и мельницу, а сама взяла своего верного Ганса, посадила с собою в повозку да с ним и уехала.

Поехали они сперва к тому маленькому домику, который Ганс построил серебряным плотничьим инструментом, а домик тот обратился в большой замок, и все в том замке серебряное да золотое; там они и свадьбу сыграли, и стал он богат, так богат, что на весь его век богатства хватило.

Вот людям добрым и наука: пусть не говорят, будто кто не умен, так уж ни на что и не пригоден.

Два странника

Гора с горой не сходится, а человек с человеком, и добрый, и злой, где-нибудь все же сойдутся.

Вот так-то однажды на пути сошлись портной с башмачником. Портной был небольшого роста, красивый малый и притом всегда веселый и довольный. Он увидел издали башмачника, и так как он по его котомке узнал уже, каким ремеслом тот занимается, то он ему в насмешку и спел:

Эй, башмачник, не спи,
Швы все дратвой закрепи,
Все кругом смолой залей
И гвоздочки все забей.

Башмачник шутить не любил: наморщил рожу, словно уксусу напился, и намеревался схватить портного за шиворот. Но весельчак-портной стал смеяться, подал ему свою фляжку и сказал: «Ведь это я шутя! Вот на-ка отхлебни, да и уйми свою желчь».

Башмачник, и точно, здорово отхлебнул из фляги, и по лицу его стало заметно, что гроза рассеялась. Он возвратил флягу портному и сказал: «Я отхлебнул из нее порядком; ну, да что об этом говорить? Пилось бы, пока пить хочется! А не хочешь ли ты со мною вместе идти путем-дорогою?» – «И прекрасно, – отвечал портной, – если только ты не прочь идти со мною в большой город, где и в работе не бывает недостатка». – «Вот именно туда-то я и направлялся! – сказал башмачник. —

Ведь в небольшом местечке и заработаешь немного; а в деревнях люди охотнее босиком ходят, чем в сапогах».

И пошли они далее уже вместе. Досуга-то у них обоих было довольно, а покусать-то им было почти нечего.

Придя в большой город, они всюду ходили и бродили, всюду свое ремесло предлагали, и портному везло не на шутку...

Он был такой свежий, да розовый, да веселый, что каждый охотно давал ему работу; а пощастливится, так еще и от хозяйской дочки то здесь, то там поцелуйчик перепадет.

Когда он сходил с башмачником, то в его узле было всегда больше добра. Угрюмый башмачник скроит, бывало, сердитую рожу и сам про себя думает: «Чем человек лукавее, тем и счастья ему больше!» Однако же портной начинал хохотать, а то и запевал песенку и все полученное делил с товарищем пополам. А если шевелилась в его кармане пара геллеров, то он еще и угостит, бывало, да по столу от радости стучит так, что вся посуда пляшет, – и это называлось у него: «Легко заработано, живо и спущено».

Пространствовав некоторое время, пришли они однажды к большому лесу, через который пролегла дорога к городу, где жил король. Но через лес вели две тропинки – одна в семь дней пути, другая – всего в два. Однако же ни один из них не знал, которая из тропинок короче.

Оба странника наши уселись под дубом и стали совещаться, как они запасутся и на сколько дней возьмут с собой хлеба. Башмачник и сказал: «Надо на большее время рассчитывать – я возьму на всякий случай хлеба на семь дней с собой». – «Что-о? – воскликнул портной. – Чтобы я стал на своей спине тащить запас хлеба на семь дней, словно вьючная скотина, так что и шеи повернуть нельзя будет! Нет, я на Бога надеюсь и ни о чем не стану заботиться! Ведь деньги у меня в кармане и зимой, и летом те же, а хлеб-то в жаркое время

не только засохнет, а еще и заплесневеет. И платье себе не шью с запасом... Как это может быть, чтобы мы не нашли настоящей дороги? Возьму себе запасу на два дня – и вся недолга».

И вот каждый купил себе свой запас хлеба, и пустились оба в лес наудачу. В лесу было тихо, как в церкви. Ни ветерок не веял, ни ручей не журчал, ни птички не пели, и сквозь густолиственные ветви не проникал ни один солнечный луч.

Башмачник не говорил ни слова; он так устал под тяжестью своего хлебного запаса, что пот струями катился с его сумрачного и сердитого лица. А портной был веселешенек, подпрыгивал, насвистывал или напевал песенку и думал про себя: «И Бог на небе радуется, видя меня такого веселого».

Так шло дело два дня сряду, но когда на третий день лесу все не было конца, а портной-то уж весь свой хлеб приел, то он невольно стал падать духом, однако все еще бодрился, возлагая надежду на Бога и на свое счастье. На третий день он лег вечером под деревом голодный и на следующее утро голодным же и поднялся. То же было и на четвертый день.

Когда башмачник сажился на поваленное дерево, чтобы съесть свою порцию хлеба, портному – увы! – приходилось только смотреть на это со стороны. Если он просил кусочек хлеба у товарища, тот только посмеивался и говорил: «Ты был постоянно такой веселый, ну, так теперь попробуй, каково невеселым быть! Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела!» – одним словом, он был к нему безжалостен.

Но на пятое утро бедный портной не мог уж и на ноги подняться и от истощения с трудом мог произнести слово; щеки его побледнели, а глаза покраснели. Тогда башмачник сказал ему. «Сегодня я тебе дам кусочек хлеба, но за это я тебе выколю правый глаз». Несчастный портной, которому очень жить хотелось, не смог избежать этой жестокости: поплакал он еще раз обоими глазами и затем подставил их под острый нож бессердечного башмачника, который и выколол ему правый глаз.

Тут пришло на память портному то, что говаривала ему в детстве мать, когда, бывало, он чем-нибудь полакомится в кладовой: «Ешь столько, сколько можешь, а терпи столько, сколько должно».

Когда он съел свой столь дорого оплаченный кусок хлеба, он опять вскочил на ноги, позабыл о своем несчастье и утешал себя хоть тем, что он одним-то глазом еще может хорошо видеть.

Но на шестой день пути голод сказался снова и защемил его сердце. Он почти упал под дерево и на седьмое утро уже не мог от слабости подняться: он видел смерть у себя за плечами. Тут башмачник и сказал ему: «Я хочу из сострадания дать тебе и еще один кусок хлеба; но даром не дам, а выколю тебе еще и другой глаз за это».

Тут только осознал портной все свое легкомыслие, стал просить милосердного Бога о прощении и сказал башмачнику: «Делай, что ты должен делать, а я постараюсь все вынести; но помысли о том, что Господь Бог наш не сразу произносит свой суд на человеком: придет, пожалуй, и иной час, в который ты получишь возмездие за злодеяние, не заслуженное мною. Я при удаче делился с тобою всем, что у меня было. Мое ремесло все в том, чтобы стежок на стежок сажать... Ведь если ты лишишь меня обоих глаз, то мне останется только одно – идти нищенствовать. Сжался же надо мною и хотя бы не покидай меня в лесу».

Но башмачник, позабывший о Боге, вынув нож, выколол портному и левый глаз. Затем он дал ему кусок хлеба, подал ему конец палки в руку и повел его вслед за собою.

Когда солнце закатилось, они вышли из лесу; перед лесом на поляне стояла виселица. Туда-то и привел башмачник своего слепого спутника, покинул его около виселицы и пошел своею дорогою. Измученный усталостью, болью и голодом, несчастный заснул и проспал всю ночь.

Чуть утро забрезжилось, он проснулся, но не знал, где он лежит. А на виселице висели двое горемык, и у каждого на голове сидело по ворону. Вот и начал один из висельников

говорить другому: «Брат мой, спишь ты или нет?» – «Нет, не сплю!» – отвечал ему другой висельник. «Так вот что я тебе скажу, – заговорил снова первый, – роса, которая нынешнею ночью падала на нас с виселицы, обладает особою способностью – она возвращает зрение каждому, кто ею омоет глаза. Кабы это знали слепцы, так снова могли бы получить зрение, а им это даже и в голову не приходит».

Услышав это, портной вытащил платок из кармана, омочил его росой в траве и отер им свои глазные впадины. Вскоре после того портной увидел, как солнце стало вставать из-за горы, и перед ним на равнине раскинулся большой королевский город, с его дивными воротами и сотнями башен, и загорелись, заискрились на островерхах вышках золотые кресты и золотые яблоки...

Он мог различить каждый листок на деревьях, увидел снова птиц, летавших мимо, и мошек, которые толклись в воздухе. Он вынул иглу из кармана, и, когда убедился, что может по-прежнему вдеть нитку в ушко, сердце его запрыгало от радости.

Он упал на колени, благодарил Бога за оказанную ему милость и прочел утреннюю молитву; не забыл он помолиться и за бедных грешников, которые покачивались на виселице. Затем он вскинул свой узелок на плечо, махнул рукою на перенесенные сердечные муки и пошел далее, припевая и посвистывая.

Первое, что ему встретилось на пути, был гнедой жеребенок, носившийся по полю на полной свободе. Портной схватил было его за гриву, собираясь вскочить на него и проехать на нем в город, но жеребенок стал просить, чтобы он его освободил. «Я еще слишком молод, – сказал он, – и даже тощий портняжка, как ты, может мне сломать спину; пусти меня побегать, покуда я окрепну. Может быть, придет и такое время, когда я тебя за это вознагражу», – «Ну, что же? Побегай, – сказал портной, – вижу я, что ты до этого охотник».

Туда-то и привел баимачник своего слепого спутника, покинул его около виселицы и пошел своею дорогою. Измученный усталостью, болью и голодом, несчастный заснул и проспал всю ночь...

Он еще прихлестнул его маленько хворостинкой, и тот, от радости вскинув вверх задние ноги, помчался в открытое поле, перепрыгивая через изгороди и рвы.

Но портняга-то со вчерашнего дня ничего не ел. «Солнце-то теперь вижу, – говорил он сам себе, – а хлеба во рту ни крошки не чую. Первое, что встречу на пути, хотя бы и не очень съедобное, не уйдет от моих рук».

Как раз в это время аист преважно расхаживал по лугу. «Стой, стой! – закричал портной, хватая его за ногу. – Не знаю, годен ли ты в пищу или нет, но мой голод не позволяет мне долго разбирать – сверну тебе голову да зажарю». – «Не делай этого, – сказал аист, – я птица священная, никто мне зла никакого не делает, а я сам приношу людям немалую пользу. Коли ты пощадишь меня, сохранишь мне жизнь, я тебе сам когда-нибудь пригожусь». – «Ну, так проваливай, куманек долговязый», – сказал портной.

Аист поднялся вверх, свесив на лету свои длинные ноги, и преспокойно полетел вдаль.

«Что же это будет? – говорил сам себе портняга. – Голод мой все возрастает, а желудок становится все тощей и тощей; нет, уж теперь что мне на дороге попадет, то пиши пропало!»

Вот и увидел он, что на пруду плавают пара утят. «Кстати вы пожаловали», – сказал он, подхватил одного из них и собирался уже ему свернуть шею.

Тут старая утка, засевшая в камышах, стала громко кричать, подлетела к портному с раскрытым клювом и слезно его молила, чтобы он сжалился над ее несчастными детками. «Подумай, – сказала она, – как бы стала сокрушаться твоя мать, если бы кто задумал тебя у нее унести да шею тебе свернуть». – «Ну, успокойся! – сказал добродушный портной. – Твои детки останутся в целости».

И он пустил утенка в пруд.

Отвернувшись от пруда, портной очутился перед старым дуплистым деревом и увидел, что дикие пчелы то и дело влетают в дупло и вылетают из него.

«Вот и награда за доброе дело готова! – воскликнул портной. – Хоть медком-то потешу себя».

Но пчелиная матка вылезла из улья, пригрозила ему и сказала: «Коли ты коснешься моего роя да вздумаешь разорить мой улей, то мы вопьемся в твое тело тысячами наших жал, словно раскаленными иглами. Если же оставишь нас в покое и пойдешь своею дорогою, то мы тоже тебе когда-нибудь пригодимся».

Увидел портняга, что и здесь ничего не поделаешь.

«Три блюда пустые, да и на четвертом нет ничего – с этого сыт не будешь!» – подумал он.

Потащился он со своим голодным брюхом в город, и так как был в это время полдень, то в гостиницах кушанье было уже готово и он мог тотчас же сесть за стол. Насытившись, он сказал себе: «Теперь пора и за работу!»

Походил он по городу, стал себе искать хозяина и вскоре нашел хорошее место.

А так как ремесло свое он знал основательно, то ему удалось немного спустя приобрести известность, и все хотели непременно сшить себе платье у маленького портного.

С каждым днем его положение улучшалось. «Я, кажется, шью так же, как и прежде, – сказал он, – а между тем дела мои день ото дня идут лучше и лучше». Наконец уж и сам король возвел его в звание своего придворного портного.

Но ведь вот как на свете бывает! В тот самый день, когда он был удостоен этой почести, его бывший товарищ тоже был возведен в придворные башмачники. Когда тот увидел портного и притом заметил, что у него целы оба глаза, его вдруг стала мучить совесть. «Прежде чем он мне станет мстить, – подумал башмачник, – я постараюсь ему вырыть яму». Ну, а уж давно известно, что кто другому яму роет, нередко сам в нее попадает.

Вечерком покончив с работой, после наступления сумерек башмачник прокрался к королю и сказал: «Господин король, этот портной мастер – человек высокомерный; он похвастал как-то, будто может добыть ту золотую корону, которая с давних пор из твоей казны пропала». – «Это было бы мне очень приятно», – сказал король, приказал позвать к себе на другое утро портного и велел ему или добыть эту корону, или же навсегда покинуть город.

«Ого, – подумал портной, – уж очень он на меня надеется... И если король вздумал требовать от меня то, чего никто из людей сделать не может, так я и до завтра ждать не стану: сегодня же выеду из города».

Связал он свой узел, но едва только задумал выйти из ворот, взгрустнулось ему, что он должен покинуть свое счастье и уходить из города, в котором дела у него шли так хорошо.

Он подошел к тому пруду, где познакомился с утками, и увидел, что старая утка, которой он пощадил утенка, сидит на берегу и очищает себе перья клювом.

Та его тотчас узнала и спросила, чем он так опечален. «Не мудрено запечалиться – ты это и сама поймешь, как узнаешь мое горе», – отвечал утке портной и все рассказал ей по порядку. «Ну, коли только-то, – сказала утка, – так этому горю еще пособить можно. Та корона к нам в пруд попала и лежит на дне; мы ее тотчас и добыть можем. Ты только расстели свой платок на берегу».

Нырнула она со своими двенадцатью утятами и несколько мгновений спустя всплыла снова: она сидела внутри самой короны, а двенадцать ее утят плыли кругом, подложив свои клювы под корону и поддерживая ее на поверхности воды. Они подплыли к берегу и положили корону на платок.

И представить себе нельзя, что это была за корона, когда ее осветило солнце и она заблестала тысячами драгоценных камней! Портной связал свой платок четырьмя концами в узелок и отнес корону к королю, который себя не помнил от радости и повесил портному золотую цепь на шею.

Когда башмачник увидел, что первая проделка ему не удалась, он задумал и другую; явился к королю и сказал: «Господин король, портной-то теперь уж так вознесся, что хвалится, будто сумеет из воску слепить весь королевский замок со всем, что в замке находится».

Король позвал портного и приказал ему вылепить из воску весь королевский замок со всем, что в нем и около него находилось, а если не вылепит или не будет хватать в его слепке хоть одного гвоздя в стене, то придется ему всю жизнь просидеть в подземелье.

Портной подумал: «Ну, дело-то не к лучшему идет! Это уж никому не под силу сделать!» – вскинул узел за спину и пошел из города.

Когда он подошел к дуплистому дереву, то присел у корня его и опустил голову на грудь.

Пчелы полетели из улья, и матка пчелиная стала его спрашивать: «Почему это у тебя голова на плечах не держится? Или шея ослабела?» – «Эх, не знаешь ты, какое горе мне сердце давит», – отвечал портной и рассказал ей, чего от него король потребовал. Пчелы стали между собою жужжать и гудеть, и матка пчелиная сказала: «Ступай себе домой, приходи опять утром в это же время да приноси с собою большое покрывало – все ладно будет».

Он и вернулся домой, а пчелы полетели к королевскому замку, влетели в его открытые окна, оползали все уголки его и самым тщательным образом все обозрели.

Потом они полетели в улей и так быстро сделали восковой слепок замка, что он словно разом вырос и поднялся.

Уже к вечеру все было готово, а когда портной пришел на другое утро, то увидел перед собою все это прекрасное здание. И вылеплено оно было гвоздок в гвоздок, черепичка в черепичку; при этом было оно тонко исполнено, бело как снег и очень приятно пахло медом.

Портной осторожно завернул это дивное произведение в свое покрывало и принес его к королю, который надивиться ему не мог, поставил его в самом большом из своих покоев и подарил портному большой каменный дом в награду.

Но башмачник не унывал и в третий раз пошел к королю. Он сказал: «Господин король, портному-то шепнул кто-то, что на дворе вашего замка вода в фонтане не бьет; так он похвастал, что может фонтан тот заставить в вышину выше человеческого роста бить, да еще притом и струя его как хрусталь чиста будет». Позвал король портного к себе и говорит ему: «Если завтра же утром не станет у меня вода во дворе струею бить, то на этом же самом дворе палач сократит твое тело на целую голову».

Бедняга-портной и раздумывать не стал и поспешил за городские ворота: а так как теперь опасность грозила его жизни, то слезы так и катились у него по щекам.

Между тем как он, грустный, шел по дороге, к нему подбежал жеребенок, которого он когда-то выпустил на волю и который успел превратиться в славного гнедого конька. «Настало теперь время, – сказал он, – когда и я могу тебе отплатить за твое доброе дело. Я уже знаю, что тебя печалит; садись же поскорее на меня верхом – я теперь таких двоих снести могу».

Портной словно ожил от этих слов: разом вскочил на коня, а конь во весь мах помчался к городу и прямо во двор замка. Там он с быстротою молнии три раза обежал кругом фонтана и затем пал наземь. И вдруг что-то страшно грохнуло: кусок земли с середины двора взлетел мигом вверх и перелетел через замок. И тотчас вслед за тем струя воды вышиною с человека на коне стала бить вверх и была чиста, как хрусталь, и солнце играло в ней своими разноцветными лучами.

Когда король это увидел, он вскочил от изумления, подошел к портняге и обнял его в присутствии всех.

Однако же счастье было непродолжительно. У короля дочерей было много, и притом одна красивее другой, а сына не было ни одного. И вот злой башмачник в четвертый раз пошел к королю и сказал: «Господин король, портной-то все не унимается в своем высокомерии. Теперь вот хвастает, что если бы он захотел, то аист тебе сразу бы сынка за пазухой принес!»

Король приказал позвать портного и сказал: «Если ты так сделаешь, что мне через девять дней будет сын принесен, то я выдам за тебя свою старшую дочь».

«Велика награда, – подумал про себя портняга, – чего-чего из-за нее не сделал бы... Только вишни-то эти уж очень высоко висят: полезешь за ними, да подломится ветка – пожалуй, и лоб расшибешь!»

Пошел он домой, сел на свой рабочий стол, поджав ноги, и стал обдумывать, что ему делать. «Нет! – воскликнул он наконец. – Так жить нельзя спокойно! Надо отсюда уехать!» Связал свой узелок и поспешил выйти из города.

Как вышел на луга, так и увидел там своего приятеля аиста, который, словно ученый муж, преважно расхаживал взад и вперед, иногда приостанавливался, достаивал лягушку своего особого внимания и наконец ее проглатывал.

Аист подошел к портному и с ним поздоровался. «Вижу я, что у тебя котомка за плечами; зачем же ты задумал покинуть город?» Портной рассказал ему, чего король от него потребовал, а он исполнить не может, и пожаловался на свою горькую участь.

«Ну, ты из-за этого не очень тужи, – сказал аист, – в этой беде я тебе помогу. Давным-давно уже ношу я в этот город младенцев в пеленках, отчего же мне и принца не принести? Ступай себе домой и будь спокоен. От нынешнего дня через девять дней приходи в королевский замок – и я туда же прибуду».

Пошел портняга домой и в назначенное время направился в замок. Вскоре после того прилетел и аист и постучался в окно. Портной отворил ему, и долговязый кум осторожно

вошел в окошко и пошел размеренными шагами по гладкому мраморному полу; в длинном клюве его был ребенок, прелестный как ангелочек, он протягивал ручонки к королеве.

Аист положил ей ребенка на колени, и она его целовала и миловала, и была вне себя от радости. Аист же перед отлетом снял с себя свою дорожную сумку и передал ее королеве. Сумка набита была свертками с цветными сахарными горошинками, и королева разделила их между своими маленькими дочками.

А старшей ничего не досталось – ей дали веселого портного в мужа. «Ну, – сказал он, – теперь мне все кажется, что Бог мне на шапку послал! Видно, права была матушка, когда говорила: кто на Бога надеется да счастьем не обделен, тому пропадать не приходится».

Пришлось башмачнику тачать те башмаки, в которых портняга отплясывал на своей свадьбе; а затем ему приказано было навсегда покинуть город.

Пошел он по дороге к лесу, и она привела его к виселице; измороженный дневным жаром, терзаемый злобою и ненавистью, он бросился на землю около виселицы.

Но чуть только он закрыл глаза, собираясь заснуть, оба ворона, сидевшие на головах висельников, со зловещим карканьем слетели к нему и выклевали ему очи.

Обезумевший от боли и ужаса, он устремился в лес да там, вероятно, и сгинул, потому что с той поры никто его не видывал и о нем ничего не слыхивал.

108

Ганс-ежик

Жил-был мужик, у которого и денег, и добра было достаточно; но как ни был он богат, а все же кое-чего недоставало для его полного счастья: у него и его жены не было детей.

Частенько случалось, что его соседи-мужики по пути в город смеялись над ним и спрашивали, почему у него детей нет. Это наконец озлобило его, и когда он пришел домой, то сказал жене: «Хочу иметь ребенка! Хоть ежа, да роди мне!»

И точно, родила ему жена ребенка, который верхней частью тела был ежом, а нижней – мальчиком, и когда она ребенка увидела, то перепугалась и сказала мужу: «Видишь, что ты наделал своим недобрым желанием!» – «Что же теперь делать?» – сказал муж. – Крестить его надо, а никого нельзя к нему в крестные позвать». Отвечала жена мужу: «Мы его иначе и окрестить не можем, как Гансом-ежиком».

Когда ребенка крестили, священник сказал, что его из-за игл ни в какую порядочную постельку положить нельзя. Вот и приготовили ему постельку за печкой – подстелили немного соломки и положили на нее Ганса-ежика. И мать тоже не могла кормить его грудью, чтобы не уколоться его иглами. Так и лежал он за печкою целых восемь лет, и отец тяготился им и все думал: «Хоть бы он умер!» Но Ганс-ежик не умер, а все лежал да лежал за печкой.

Вот и случилось, что в городе был базар и мужику надо было на тот базар ехать; он спросил у своей жены, что ей с базара привезти? «Немного мяса да пару кружков масла для дома», – сказала жена. Спросил мужик и у работницы, та просила привезти ей пару туфель да чулки со стрелками. Наконец он сказал: «Ну, а тебе, Ганс-ежик, что привезти?» – «Батюшка, – сказал он, – привези мне волюнку».

Вернувшись домой, мужик отдал жене мясо и масло, что было по ее приказу куплено, отдал работнице ее чулки и туфли, наконец полез и за печку и отдал волюнку Гансу-ежику.

И как только Ганс-ежик получил волюнку, так и сказал: «Батюшка, сходи-ка ты в кузницу да вели моего петушка подковать – тогда я от вас уеду и никогда более к вам не вернусь». Отец-то обрадовался, что он от него избавится; велел ему петуха подковать, и когда это было сделано, Ганс-ежик сел на него верхом да прихватил с собой еще свиней и ослов, которых он собирался пасти в лесу.

В лесу должен был петушок взнести Ганса-ежика на высокое дерево; там и сидел он и пас ослов и свиней, пока стадо у него не разрослось; а отец ничего о нем и не знал. Сидя на дереве, Ганс-ежик надувал свою волюнку и наигрывал на ней очень хорошо.

Случилось как-то ехать мимо того дерева королю, заблудившемуся в лесу, и вдруг услышал он музыку. Удивился король и послал своего слугу узнать, откуда она слышна. Тот осмотрелся и увидел только на дереве петушка, на котором сидел верхом еж и играл на волюнке. Приказал король слуге своему спросить, зачем он там сидит, да и, кстати, не знает ли он, какой дорогой следует ему вернуться в свое королевство?

Тогда Ганс-ежик слез с дерева и сказал, что он сам покажет дорогу, если король письменно обяжется отдать ему то, что он первое встретит по возвращении домой на своем королевском дворе. Король и подумал: «Это не мудрено сделать! Ведь Ганс-ежик не понимает грамоты, и я могу написать ему, что вздумается».

Вот и взял король перо и чернила, написал что-то на бумаге и передал Гансу; а тот показал ему дорогу, по которой король благополучно вернулся домой.

А дочь-то его, еще издали завидев отца, так ему обрадовалась, что выбежала навстречу и поцеловала его. Тут и вспомнил он о Гансе-ежике и рассказал дочери все, что с ним случилось, и что он какому-то диковинному зверю должен был письменно обещать то, что ему дома прежде всего встретится; а тот зверь сидел верхом на петухе, как на коне, и чудесно

играл на волынке. Рассказал король дочке, как он написал в записке, что «первоначальное Гансу-ежику не должно достаться», потому как тот грамоту не понимает. Королевна обрадовалась и похвалила отца, потому как она все равно к тому зверю не пошла бы.

После этого Ганс поехал вперед на своем петухе...

Ганс-ежик тем временем продолжал пасти свиней и ослов, был весел, посиживая на своем дереве и поигрывал на волынке.

Вот и случилось, что другой король заблудился в том же лесу и, проезжая под деревом со своими слугами и скороходами, тоже не знал, как ему из этого большого леса выбраться. Услышал и он издали чудесную музыку волынки и приказал своему скороходу пойти и разузнать, что это такое.

Побежал скороход к дереву, на котором сидел петух, а на нем и Ганс-ежик верхом. Скороход спросил Ганса, что он там делает. «А вот, пасу моих ослов и свиней; а ты чего желаешь?»

Скороход отвечал, что его господин со свитою своею заблудился и не может найти дороги в свое королевство, так не выведет ли он их на дорогу?

Тогда Ганс-ежик сошел с дерева со своим петухом и сказал старому королю, что он укажет ему дорогу, если тот отдаст ему в собственность первое, что встретится ему по приезде домой перед его королевским замком.

Король на это согласился и утвердил договор своею подписью. После этого Ганс поехал вперед на своем петухе, показал королю дорогу, и тот благополучно добрался до дому.

Когда он въезжал во двор, в замке воцарилась большая радость. И вот его единственная дочь, красавица собой, выбежала ему навстречу, бросилась на шею и целовала его, и радовалась возвращению своего старого отца.

Она стала его расспрашивать, где он так замешкался, а отец и рассказал ей, как он заблудился и как попал наконец на дорогу. «Может быть, я бы и совсем к тебе не вернулся, кабы не вывел меня на дорогу какой-то получеловек и полуеж, который где-то гнезился на дереве, сидя верхом на петухе, и отлично играл на волынке... Ну, я и должен был пообещать, что отдам ему в собственность то, что по возвращении домой прежде всего встречу на моем королевском дворе». И он добавил, как ему было больно, что встретила ему дочь. Но дочь сказала, что из любви к отцу охотно пойдет за этим полуежом и получеловеком, когда он за ней придет.

А между тем Ганс-ежик пас да пас своих свиней, а от тех свиней родились новые свиньи, и размножились они настолько, что заполнили собою весь лес.

Тогда уж Гансу-ежику не захотелось более оставаться в лесу, и он попросил сказать отцу, чтобы тот очистил от скота все хлевы в деревне, потому что он собирается пригнать в деревню огромное стадо, из которого каждый может заколоть сколько хочет себе на потребу.

Эта весть отца только опечалила, так как он думал, что Ганса-ежика давно и в живых уже нет. А Ганс сел себе преспокойно на своего петушка, погнал перед собою свое стадо свиней в деревню и приказал свиней колоть; поднялся от этой резни и от рубки мяса такой стук и шум, что за два часа пути до деревни было слышно.

Затем Ганс-ежик сказал отцу: «Батюшка, прикажите-ка кузнецу еще раз перековать моего петушка, тогда я на нем от вас уеду и уже до конца жизни домой не вернусь».

Велел отец перековать петушка и был очень рад тому, что сынок его не желает никогда более возвращаться в его дом.

Ганс-ежик поехал сначала в первое королевство, в котором король отдал такой приказ: если приедет в его страну кто-нибудь верхом на петухе да с волынкой в руках, то все должны были в него стрелять, его колоть или рубить – лишь бы он каким-нибудь образом не проник в его замок.

Когда Ганс-ежик подъехал к замку на своем петухе, все бросились на него, но он дал своему петуху шпоры, перелетел через ворота замка к самому окну королевского покоя и, усевшись на нем, стал кричать, что король должен ему выдать обещанное, а не то и он, и дочь его должны будут поплатиться жизнью.

Тут стал король свою дочку уговаривать, чтобы она к Гансу-ежику вышла ради спасения его и своей собственной жизни.

Вот она нарядилась вся в белое, а отец дал ей карету с шестериком лошадей и богато одетыми слугами, а также и денег и всякого добра. Она села в карету, и Ганс-ежик со своим петушком и волынкой сел с нею рядом.

Распрощались они с королем и поехали, и отец-король подумал, что ему уж никогда более не придется с дочерью свидеться.

Но дело вышло совсем не так, как он думал: недалеко отъехав от города, Ганс-ежик сорвал с королевны нарядное платье, наколол ей тело своими иглами до крови и сказал: «Вот вам награда за ваше коварство! Убирайся, ты мне не нужна!» И прогнал ее домой, и была им она опозорена на всю жизнь.

А сам-то Ганс-ежик поехал далее на своем петушке и со своей волынкой к другому королю, которого он также вывел из леса на дорогу. Тот уже отдал приказ, что если явится к его замку кто-нибудь вроде Ганса-ежика, то стража должна была ему отдать честь оружием, свободно пропустить его, приветствовать его радостными кликами и провести в королевский замок.

Когда королевна увидела приезжего, то была перепугана, потому что он уж слишком показался ей странным, но она и не подумала отступить от обещания, данного отцу своему.

Она приняла Ганса-ежика очень приветливо, и он был с нею обвенчан; вместе пошли они к королевскому столу, и сели рядом, и пили, и ели.

По наступлении вечера, когда уж надо было спать ложиться, королевна очень стала бояться игл Ганса-ежика, а он сказал ей, что бояться она не должна, потому что он ей не причинит никакого вреда.

В то же время он сказал старому королю: «Прикажи поставить четырех человек настороже около дверей моей опочивальни, и пусть они тут же разведут большой огонь; войдя в опочивальню и ложась в постель, я скину с себя свою ежовую шкурку и брошу ее на пол перед кроватью; тогда те четверо стражников пусть разом ворвутся в опочивальню, схватят шкурку и бросят ее в огонь да присмотрят, чтобы она вся дотла сгорела».

И вот, едва пробили часы одиннадцать, он ушел в свою комнату, скинул шкурку и бросил на пол около кровати; те, что были настороже за дверьми, быстро вошли в комнату, схватили шкурку и швырнули ее в огонь.

Когда же шкурка сгорела дотла, Ганс-ежик очутился в постели таким же, как и все люди, только все тело у него было как уголь черное, словно обожженное.

Король прислал к нему своего врача, который стал обливать его всякими хорошими снадобьями и растирать бальзамами; и стал он совсем белый, и молодой, и красивый.

Увидев это, королевна была радешенька, и на следующее утро поднялись они превеселые, и стали пить и есть, и только тут настоящим образом были повенчаны, и Ганс-ежик получил все королевство в приданое за своей супругой.

По прошествии нескольких лет Ганс задумал съездить с женою к своему отцу и сказал ему: «Я твой сын»; но отец отвечал ему, что у него нет сына, – один только и был такой, что родился покрытый иглами, словно еж, да и тот ушел бродить по белу свету. Однако же Ганс дал отцу возможность себя узнать; и тот радовался встрече с сыном, и поехал с ним вместе в его королевство.

Вот и сказке конец.

А мне за нее денег ларец.

109

Маленький саван

У одной матери был мальчик лет семи, такой хорошенький и милый, что никто не мог взглянуть на него, не приласкав, а для матери он был милее всего на свете. Вдруг ребенок заболел, и Господь призвал его к себе... Мать неутешно по нем плакала день и ночь. Но вскоре после того, как ребенок был погребен, он стал ночью являться на тех местах, где он при жизни сживал и игрывал; если мать плакала, плакал и ребенок и с наступлением утра исчезал.

Но так как мать не унималась от плача, то ребенок пришел к ней однажды ночью в саване и с венком на голове, как был в гроб положен, присел в ногах ее постели и сказал: «Матушка, да перестань же плакать, а то мне нет покоя в моем гробике, потому что мой саван не просыхает от твоих слез, а они все на него прямо падают». Мать испугалась этих слов и не стала плакать более.

На следующую ночь ребенок пришел опять; он держал в руке свечечку и сказал матери: «Видишь, теперь мой саван скоро совсем обсохнет, и мне будет спокойно спать в моей могилке».

Тогда мать возложила печаль свою на милосердие Божие, стала переносить свое горе спокойно и терпеливо, и ребенок не приходил уже к ней более и спокойно спал на своем могильном ложе.

110

Еврей в терновнике

Жил однажды на белом свете богач, и у того богача был слуга, который служил ревностно и честно, вставал каждое утро раньше всех и позже всех ложился вечером, и где была тяжелая работа, другим не по силам, там он всегда первый за нее принимался. При этом он ни на что не жаловался, был всегда доволен и всегда весел.

Когда окончился год его службы, господин его не дал ему никакого жалованья, подумав: «Этак-то лучше, и я на этом сохранию кое-что, и он от меня не уйдет, а останется у меня на службе».

Слуга не сказал ему ни слова и во второй год исполнял ту же работу, что и в первый. И даже тогда, когда и за второй год он не получил никакого жалованья, примирился с этим и остался по-прежнему на службе. По прошествии и третьего года господин спохватился, стал рыться в кармане, однако ничего из кармана не вынул. Тогда наконец слуга заговорил: «Я, сударь, честно служил вам три года сряду, а потому будьте так добры, дайте мне то, что мне следует получить по праву; мне бы хотелось от вас уйти и повидать свет белый». А скряга и отвечал ему: «Да, милый мой слуга, ты мне служил прекрасно и должен быть за это вознагражден надлежащим образом». Сунул он руку опять в карман и геллер за геллером отсчитал ему три монетки... «Вот тебе за каждый год по геллеру – это большая и щедрая плата, какую ты мог бы получить лишь у очень немногих господ».

Добряк-слуга немного смыслил в деньгах, спрятал свой капитал в карман и подумал: «Ну, теперь у меня полнешенек карман денег – так о чем мне и тужить? Да не к чему и затруднять себя тяжелою работою!»

И пошел путем-дорогою по горам, по долам, весело припевая и припрыгивая на ходу.

Вот и случилось, что в то время, когда проходил он мимо чащи кустов, вышел к нему оттуда маленький человечек и спросил: «Куда путь держишь, веселая голова? Вижу я, что ты ничем особенно не озабочен». – «А о чем же мне и печалиться? – отвечал парень. – Карман у меня полнешенек – в нем бренчит у меня жалованье, полученное за три года службы». – «А велика ли вся твоя казна?» – спросил человечек. «Велика ли? А целых три геллера звонкой монетой!» – «Послушай, – сказал человечек, – я бедный, нуждающийся человек, подари мне свои три геллера: я уж ни на какую работу не пригоден, а ты еще молод и легко можешь заработать свой хлеб».

Парень был добросердечный и притом почувствовал жалость к человечку; подал ему свои три монеты и сказал: «Прими Христову милостыньку, а я без хлеба не останусь». Тогда сказал человечек: «Видя твое доброе сердце, я разрешаю тебе высказать три желания – на каждый геллер по желанию – и все они будут исполнены!» – «Ага! – сказал парень. – Ты, видно, из тех, которые любят пыль в глаза пускать! Ну, да если уж на то пошло, то я прежде всего желаю получить такое ружье, которое бы постоянно попадало в намеченную цель; а во-вторых, желаю получить такую скрипку, на которой, чуть заиграю, так чтобы все кругом заплясало; а в-третьих, если к кому обращусь с просьбою, так чтобы мне в ней отказу не было». – «Все это я тебе даю», – сказал человечек, сунул руку в куст – и поди ж ты! – достал оттуда, словно по заказу, и ружье, и скрипку.

Отдавая и то, и другое парню, он сказал: «Если ты кого попросишь о чем, то ни один человек на свете тебе не откажет». «Вот у меня и есть все, чего душа желает!» – сказал сам себе парень.

Вскоре после того повстречался ему на пути еврей с длинной козлиной бородкой; он стоял и прислушивался к пению птички, сидевшей очень высоко, на самой вершине дерева. «Истинное чудо! – воскликнул он наконец. – У такой маленькой твари и такой голосище! Эх,

кабы она была моею! Жаль, что ей никто не может на хвост соли насыпать!» – «Коли только за этим дело стало, – сказал парень, – так птицу мы оттуда сейчас спустим!» Приложился он и так ловко попал, что птица упала с дерева в терновник. «Слушай, плутяга, – сказал парень еврею, – вынимай оттуда свою птицу». – «Ну, что же, я подберу свою птицу, коли уж вы в нее попали!» – сказал еврей, лег на землю и давай продираться внутрь тернового куста.

Когда он залез в самую середину кустарника, вздумалось парню подшутить – взялся он за скрипку и давай на ней наигрывать. Тотчас же начал и еврей поднимать ноги вверх и подскакивать, и чем более парень пилил на своей скрипке, тем шибче тот приплясывал. Но шипы терновника изодрали его ветхое платишко, растеребили его козлиную бороденку и перещарапали ему все тело. «Да что же это за музыка! – крикнул, наконец, еврей. – Что за музыка! Пусть господин перестанет играть, я вовсе не хочу плясать!» Но парень не очень его слушал и думал про себя: «Ты довольно людей дурачил – пусть-ка теперь тебя терновник поцарапает!» – и продолжал наигрывать, а еврей все выше и выше подскакивал, и лохмотья его одежды то и дело оставались на иглах терновника.

«Аи, вей! – взмолился он. – Лучше уж я дам господину, что он желает – дам целый кошелек с золотом, лишь бы он играть перестал!» – «О! Если ты такой щедрый, – сказал парень, – то я, пожалуй, и прекращу мою музыку; однако же должен тебя похвалить – ты под мою музыку отлично плясешь!» Затем получил он от еврея кошелек и пошел своей дорогой.

Еврей же остался на том же месте и все смотрел вслед парню, пока тот совсем у него не скрылся из глаз; а тогда и начал кричать, что есть мочи: «Ах, ты, музыкант грошовый! Ах ты, скрипач из пивной! погоди уж: дай мне с тобой глаз-на-глаз встретиться! Так тебя пугну, что во все лопатки бежать от меня пустишься!» – и кричал, и ругался, сколько мог.

А когда он эту бранью немного пооблегчил себе душу, то побежал в город к судье. «Господин судья, – аи, вей! – извольте посмотреть, как на большой дороге какой-то злодей меня ограбил и что со мною сделал! Камень, и тот должен был бы надо мною сжалиться! Извольте видеть: платье все в клочья изорвано! Тело исколото и исцарапано! И весь достаточек мой, вместе с кошельком, у меня отнят! А в кошельке-то все червонцы, один другого лучше! Ради Бога, прикажите злодея в тюрьму засадить!»

Судья спросил: «Да кто же он был? Солдат, что ли, что тебя так саблей отделал?» – «Ни-ни! – сказал еврей. – Шпаги обнаженной при нем не было, только ружье за спиной да скрипка под бороною; этого злодея немудрено узнать!»

Выслал судья свою команду, и его посланные легко отыскали парня, который преспокойно шел своею дорогой; да у него же и кошелек с золотом нашли.

Вскоре и все кругом заплясало...

Призванный в суд, он сказал: «Я к еврею не прикасался и денег у него не брал, он сам по доброй воле мне деньги предложил, лишь бы только я перестал играть на скрипке, потому что он не мог выносить моей музыки». – «Никогда! Как можно! – закричал еврей. – Все-то он лжет, как мух ловит!»

Но судья и без того парню не поверил и сказал: «Плохое ты нашел себе оправдание – не может быть, чтобы еврей тебе по доброй воле деньги дал!» И присудил добродушного парня за грабеж на большой дороге к повешению.

Когда его повели на казнь, еврей не вытерпел, закричал ему: «А, живодер! А, собачий музыкант! Теперь небось получишь заслуженную награду!»

А парень преспокойно поднялся с палачом по лестнице на виселицу и, обернувшись на последней ступеньке ее, сказал судье: «Дозвольте мне обратиться к вам перед смертью с некоторою просьбою!» – «Ладно, – сказал судья, – дозволяю; не проси только о помиловании». – «Нет, прошу не о помиловании, – отвечал парень, – а о том, чтобы мне напоследок дозволено было еще раз сыграть на моей скрипке».

Еврей закричал благим матом: «Ради Бога, не позволяйте ему!» Но судья сказал: «Почему бы мне ему этого не позволить? Пусть потешится перед смертью, а затем – и в петлю». Но он и не мог отказать ему вследствие особого дара, который был дан парню человеком... Еврей же стал кричать: «Аи, вей! Аи, вей! Вяжите, вяжите меня покрепче!»

Тогда добродушный парень снял свою скрипку с шеи, настроил ее. И чуть только первый раз провел по ней, все стали шаркать ногами и раскачиваться – и судья, и писцы его, и судейские, и даже веревка выпала из рук того, кто собирался скрутить еврея. При втором ударе смычка все подняли ноги, а палач выпустил добродушного парня из рук и приготовился к пляске... При третьем ударе все подпрыгнули на месте и принялись танцевать – и судья с евреем впереди всех, и выплясывали лучше всех.

Вскоре и все кругом заплясало, все, что сбегалось на базарную площадь из любопытства, – старые и малые, толстяки и худощавые; даже собаки, и те стали на задние лапы и стали прыгать вместе со всеми. И чем долее играл он, тем выше прыгали плясуны, так что даже головами стали друг с другом стучаться, и напоследок все подняли жалобный вой.

Наконец судья, совсем выбившись из сил, закричал парню: «Дарю тебе жизнь, только перестань же играть!»

Добродушный парень внял его голосу, отложил скрипку в сторону, опять повесил ее себе на шею и сошел с лестницы. Тогда подошел он к еврею, который лежал в растяжку на земле, не будучи в силах перевести дыхание, и сказал ему: «Негодяй! Теперь сознайся, откуда у тебя деньги – не то сниму скрипку и опять стану на ней играть». – «Украл я, украл деньги! – закричал еврей в отчаянии. – А ты честно их заработал».

Услышав это, судья приказал вести еврея на виселицу и повесить, как вора.

111

Ученый егерь

Некогда жил на свете молодой парень, и обучился он слесарному мастерству, а затем сказал отцу, что хочет пойти побродить по белу свету и попытать свои силы. «Что же, – сказал отец, – я против этого ничего не имею», – и даже дал ему немного денег на дорогу. Пошел он всюду бродить и стал искать себе работы. Немного спустя разонравилось ему слесарное мастерство, и задумал он поступить в егеря.

Вот и попался ему навстречу егерь в зеленом платье, и спросил его, откуда он и куда направляется. «Да вот, был в подмастерьях у слесаря, – отвечал молодец, – а теперь разонравилось мне это мастерство, захотелось в егеря поступить; так не возьмешь ли ты меня к себе в ученики?» – «О да, охотно! – сказал тот. – Если только ты захочешь за мною следовать».

Вот и пошел с ним молодец, нанялся к нему на многие годы и выучился егерскому делу.

Затем ему захотелось опять-таки повидать света белого и самостоятельно попытать свои силы, и старый егерь за все годы службы дал ему в вознаграждение только духовое ружье, но такое, что он мог из него стрелять без промаха.

Пошел молодец далее и пришел в очень большой лес, шел по нему целый день, а конца лесу все не было видно. Когда за вечерело, он вскарабкался на высокое дерево, чтобы обезопасить себя от диких зверей.

Около полуночи ему показалось, что вдали мерцает маленький огонек, и он высмотрел его сквозь ветви деревьев и запомнил, как к нему пройти. Снял он с себя шляпу и швырнул ее с дерева по направлению к свету, чтобы по ней и направиться, как слезет с дерева. Слез с дерева, направился к шляпе, надел ее опять на голову и прямехонько пошел вперед. Чем далее он шел, тем ярче становился этот свет, а когда он к нему приблизился, то увидел громадный костер и около него трех великанов, которые жарили на вертеле целого вола.

Один из них и сказал: «Попробую, можно ли уже есть мясо?» – отодрал кусок мяса и хотел было его в рот сунуть, но егерь выстрелом вышиб у него кусок мяса из руки. «Ну, вот еще, – сказал великан, – ветром у меня кусок из рук вырвало!» – и взял себе другой.

Чуть только он хотел его положить на зубы, егерь опять у него кусок изо рта выстрелом выбил; тогда этот великан, рассердившись, дал оплеуху другому великану, сидевшему с ним рядом, и проговорил: «Зачем ты у меня кусок изо рта вырвал?» – «И не думал вырывать, – отозвался тот, – это у тебя какой-нибудь меткий стрелок выстрелом изо рта его вышиб». Великан попытался было взять третий кусок, да и тот егерь у него из руки вышиб.

Тут стали говорить великаны между собою, что, верно, хорош должен быть этот стрелок, который чуть не изо рта кусок вышибать может... «Такой-то стрелок и нам бы мог быть полезен! – решили они и стали громко его кликать: – Эй, ты, меткий стрелок! Выходи к нам, садись к нашему огню и наедайся досыта, мы тебе никакого зла не сделаем; а коли не выйдешь, мы вытащим тебя силою из леса, и тогда ты погиб».

Услышав это, молодец выступил из леса и сказал им, что он ученый егерь и уж если на что нацелит ружье свое, в то попадет верно и без промаха.

А они ему на это сказали, что если он с ними решится пойти, то ему хорошо будет, да притом же и рассказали: «Там, за лесом – большая река, а за рекой стоит башня, и в той башне сидит красавица-королевна, которую бы нам очень хотелось похитить». – «Да, – сказал парень, – эту королевну я скорехонько добуду».

А великаны добавили: «Тут еще кое-что запомнить надо – есть там собачонка маленькая, которая тотчас начинает лаять, чуть только кто-нибудь к той башне приблизится, а как она залает, все на королевском дворе и поднимется; вот почему мы туда и не можем проник-

нуть... Так вот, не возьмешься ли ты пристрелить ту собачку?» – «Да это для меня суший пустяк».

Затем сел он в лодку и переправился на тот берег; подплывая к берегу, он увидел собачонку, которая к реке бежала и собиралась уже залаять, но он выхватил ружье и застрелил ее.

Когда великаны это увидели, то обрадовались и решили, что королева уже у них в руках; однако же егерь хотел сначала сам попытаться в башню пройти и сказал великанам, чтобы они обождали за воротами, пока он их кликнет. Потом сам вошел в замок, в котором царствовала полнейшая тишина и все спало мертвым сном.

Когда он отпер первую комнату, то увидел на стене саблю из чистого серебра, и на той сабле была насажена золотая звезда и начертано имя самого короля; рядом с саблей лежало на столе запечатанное письмо, которое он вскрыл, и в том письме было написано: «Кто тою саблею владеет, тот всех порубить может, кто бы против него ни выступил». Тогда он взял саблю со стены, привесил к поясу и пошел далее; и вот пришел в комнату, где спала королева...

Она была так прекрасна, что он приостановился и залюбовался ею, притаив дыхание. При этом он про себя подумал: «Могу ли я эту невинную девушку отдать во власть дикарей-великанов, у которых что-то недоброе на уме?»

Он стал осматриваться и увидел под кроватью пару туфель: на правой стояло имя короля со звездочкой, на левой – имя королевы со звездочкой. На шее у королевы был большой платок, вытканый из шелка с золотом, на правой стороне платка было вышито имя короля, а на левой – ее собственное, и все это – золотыми буквами.

Вот и взял егерь ножницы, отрезал у платка правый угол и сунул его в свою котомку; да туда же сунул и правую туфлю королевы с именем ее отца.

А девица-красавица все спала да спала, окутанная своею сорочкою; наш молодец и из ее сорочки ухитрился вырезать кусок и припрятал его в котомку, и все это сделал, не коснувшись даже спящей королевы.

Затем он ушел и оставил ее спящей, и когда вновь пришел к воротам, то увидел, что великаны все еще стоят за воротами и ждут его, вообразив себе, что он уж прямо вынесет им королеву на руках. Он крикнул им, чтобы они входили, что девица-красавица уже в его руках; но так как он не может им отворить двери, то указал им дыру в стене, через которую они могли пролезть.

Первого, сунувшегося в дыру, он ухватил за волосы, одним взмахом сабли отрубил ему голову и затем уже втащил в дыру все его тело. Подозвав к дыре второго великана, он точно так же отрубил и ему голову, а за ним и третьему, и от души порадовался, что он избавил девицу-красавицу от ее врагов; на память об этом он обрезал троим великанам языки и сунул их в свою котомку.

Тут и подумал он: «Пойду-ка я к отцу своему да покажу ему, что я успел сделать, а потом опять отправлюсь странствовать по белу свету; коли мне от Бога назначена счастливая доля, так она меня везде сама отыщет».

Когда же король проснулся в замке, то увидел там троих мертвых великанов. Затем направился он в опочивальню своей дочери, разбудил ее и спросил, кто убил троих великанов. Та отвечала: «Дорогой батюшка, не знаю – я спала».

Когда же она поднялась с постели и хотела обуться, то заметила, что правой туфли нет, а когда взглянула на свой шейный платок, то увидела, что он перерезан и не хватает у него правого угла; точно так же и у сорочки не хватало кусочка.

Приказал король созвать весь свой двор, всех солдат и всех людей, бывших в замке, и стал у них спрашивать, кто убил великанов и тем избавил его дочь от них?

Был у него в ту пору капитан, на один глаз кривой и очень дурной человек. Тот и сказал, будто он расправился с великанами. Тогда король сказал ему: «Ты это совершил, ты и должен быть моей дочери мужем».

Но девица-красавица сказала отцу: «Чем за этого замуж выходить, я лучше уйду на край света белого!». Король в гневе ответил ей, что если она не хочет выйти замуж за капитана, то должна скинуть с себя королевское платье, надеть крестьянское и немедленно покинуть дворец; при этом он приказал ей идти к горшечнику и приняться за торговлю горшечным товаром.

Тогда она сняла свою королевскую одежду, пошла к горшечнику и взяла у него в долг горшечного товара; при этом она ему обещала, что если распродаст товар к вечеру, то за него и уплатит. А король сказал ей, что она должна сесть со своим товаром на таком-то перекрестке улиц, да сам же заказал нескольким крестьянским телегам, чтобы они через тот самый товар переехали и разбили бы его на тысячи черепков.

И точно: чуть только королева расставила свой товар на перекрестке, наехали эти телеги и искрошили весь горшечный товар в мелкие дребезги. Стала она плакать и сказала: «Ах, Боже мой, как я теперь уплачу горшечнику?» Король же хотел ее именно таким образом вынудить к тому, чтобы она вышла замуж за капитана; а она вместо этого пошла к горшечнику и спросила его, не пожелает ли он еще раз ссудить ее товаром. Он отвечал ей: «Нет, заплати сначала за тот, который ты уже взяла».

Тогда направилась она к своему отцу, кричала и плакала, и приговаривала, что она пойдет искать своей доли по белу свету. Отец сказал ей на это: «Я тебе выстрою в лесу домик, в нем ты весь век живи, вари кушанья для каждого встречного и поперечного и ни с кого не смей платы брать».

Когда дом был построен, над дверью его была повешена вывеска с надписью: «Сегодня даром, завтра за деньги». Там и сидела она долгое время, и все кругом говорили, что вот посажена в этот домик девица-красавица, которая на всех варит кушанье даром, – так, мол, оно и на вывеске над дверью обозначено.

Прослышал об этом и егерь и подумал: «Это мне на руку, ведь я же беден, и денег у меня ни гроша». Взял он с собою ружье и котомку, в которой сложено было все, прихваченное из замка на память, пошел в лес и разыскал домик с надписью: «Сегодня даром, завтра за деньги».

Опоясанный саблею, которою он отрубил головы трем великанам, егерь вошел в домик и приказал дать себе чего-нибудь поесть. При этом он налюбоваться не мог на девицу-красавицу!

Она спросила его, откуда он пришел и куда направляется, и он отвечал: «Странствую по белу свету». А она еще его спросила: «Где добыл ты эту саблю, на которой начертано имя моего отца?» Он тут же спросил, не королевская ли она дочь. «Да», – отвечала она. «Этой саблею, – сказал он, – я отрубил головы трем великанам». И в доказательство вытащил их языки из котомки, а затем показал ей также ее туфлю, угол платка и кусок сорочки. Она этому очень обрадовалась и признала, что он и есть ее избавитель.

Затем они вместе пошли к королю и вызвали его; она повела короля в свою комнату и сказала ему, что егерь и есть ее настоящий избавитель от великанов. Увидя все доказательства, король уже не мог более сомневаться и попросил егеря рассказать в подробности, как все это произошло, обещая свою дочь выдать за него замуж, чему, конечно, красавица была очень рада.

Выслушав рассказ егеря, король велел одеть его иноземцем и приказал устроить пиршество.

Когда они подошли к столу, капитану пришлось сесть по левую руку от королевы, а егерю – по правую руку. Капитан так и подумал, что это какой-то чужеземец, который приехал к королю в гости.

Когда они попили и поели, король сказал, обращаясь к капитану, что он хочет ему загадку загадать. «Вот, если кто-нибудь станет говорить, что он трех великанов убил, а его станут спрашивать, куда он языки их девал, и он сам, осматривая их головы, убедился бы, что языков там нет, – то как бы ты это объяснил?» – «Да, верно, у них совсем и не было языков», – сказал капитан. «Едва ли так, – сказал король, – у каждой твари есть язык». И задал последний вопрос: чего достоин тот, кто его, короля, обманет? Капитан отвечал: «Его следует разорвать на части». – «Ты произнес свой собственный приговор!» – сказал король и приказал сначала посадить капитана в темницу, а потом – четвертовать. Королева же была выдана замуж за егеря.

Егеря привез к себе и отца и мать, и они зажили у сына в полном довольстве; а по смерти старого короля егеря наследовал его королевство.

112 Цеп из рая

Выехал мужик пахать на паре волов.

Приехав на поле, увидел он, что рога у его волов начали расти, расти, и когда он вернулся домой, рога были уже настолько велики, что он не мог въехать на волах в ворота.

На его счастье случился тут мясник, которому он своих волов передал, и они заключили договор, по которому мужик должен был доставить мяснику меру репного семени, а тот ему за каждое семечко должен отсчитать по брабантскому талеру.

Торг, как изволите видеть, недурной!

Пошел мужик в дом и притащил мяснику меру репного семени на спине; по пути, однако же, обронил из меры одно семечко.

Мясник заплатил ему точно по уговору; а кабы не обронил мужик семечка из той меры, то у него было бы еще одним брабантским талером больше!

А к тому времени, когда он стал домой возвращаться, из оброненного семечка успело вырасти дерево, и притом как раз до самого неба.

Вот и подумал мужик: «Коли уж выдался случай такой, отчего бы мне не посмотреть, что там ангелы на небе делают, да хоть разочек самому поглазеть на них?»

И полез он вверх на небо, и видит – ангелы овес молотят.

Смотрел он, смотрел на это и вдруг заметил, что дерево, по которому он на небо взобрался, что-то под ним шатается. Глянул он вниз и видит, что кто-то его срубить собрался. «Отсюда свалиться – не сладко!» – подумал он, не зная, как себе в беде помочь.

*И полез он вверх на небо,
и видит — ангелы овес молотят.
Смотрел он, смотрел на это
и вдруг заметил,
что дерево,
по которому он на небо взобрался,
что-то под ним шатается.
Глянул он вниз
и видит,
что кто-то его срубить собрался...*

И полез он вверх на небо, и видит — ангелы овес молотят. Смотрел он, смотрел на это и вдруг заметил, что дерево, по которому он на небо взобрался, что-то под ним шатается. Глянул он вниз и видит, что кто-то его срубить собрался...

И вот взял он отрубей овсяных, которые там кучами лежали, и стал из них веревку вить; прихватил он кстати с неба кирку и цеп, да и спустился по веревке вниз.

Спустившись на землю, он попал в глубокую-глубокую яму, но к счастью, он захватил с собой кирку: он ею вырубил себе лестницу в стенке ямы, вылез на поверхность и цеп небесный стал всем показывать как доказательство.

Так что уж никто не мог его рассказу не поверить.

Двое королевских детей

Жил-был на свете король, и у него родился маленький сыночек, и на нем стоял такой знак, по которому можно было видеть, что ему на шестнадцатом году предстоит погибнуть от оленя.

Когда он достиг этого возраста, королевские егеря отправились с ним однажды на охоту. В лесу королевич отстал ото всех и вдруг увидел большого оленя, в которого задумал стрелять, но никак нагнать его не мог; и бежал тот олень до тех пор, пока не заманил королевича в самую чашу леса; там вдруг вместо оленя появился высокий громадный мужчина и сказал: «Хорошо, что я тебя сюда залучил; из-за тебя я уже шесть пар лыж на охоте износил, а все добыть тебя не мог».

И взял он его с собой, переправил через широкую реку и привел в большой королевский замок, где они сели за один стол и стали есть. Когда они вместе поели, этот король сказал королевичу: «У меня три дочери; ты должен провести ночь в спальне у старшей, не смыкая глаз, от девяти часов вечера до шести утра, и я стану приходить к тебе каждый раз, когда будет ударять колокол, стану тебя окликать, и если ты хоть один раз не откликнешься мне, то будешь завтра утром казнен; если же каждый раз будешь мне отвечать, то получишь мою дочь в жены».

Когда королевна и королевич пришли в опочивальню, там стоял каменный истукан, и королевна сказала ему: «В девять часов придет мой отец и затем будет являться каждый час, пока три не ударит; когда будет он окликать, то дай ему ответ вместо королевича».

Каменный истукан молча кивнул головой и затем стал кивать все тише и тише, пока голова его не стала по-прежнему неподвижна.

На другое утро король сказал королевичу: «Ты оказался молодцом, но старшую дочь я не могу за тебя выдать – ты должен еще у второй дочери целую ночь бодрствовать; а тогда я подумаю, можно ли тебе жениться на моей старшей дочери. Но я ежечасно буду приходить сам, и если тебя окликну, то отвечай мне; а если окликну и не ответишь, то кровь твоя должна будет пролиться».

Вот и пошел королевич с королевной в ее опочивальню, а там стоял еще больший каменный истукан, которому королевна сказала: «Когда отец будет окликать, то отвечай ты». Кивнул большой каменный истукан головою молча и стал качать ею все медленнее и медленнее, пока голова опять стала неподвижна. А королевич лег на пороге опочивальни, подложил руку под голову и заснул.

На другое утро король сказал ему: «Хоть ты и хорошо выполнил свое дело, однако же и вторую мою дочь я не могу за тебя выдать замуж; ты должен еще одну ночь бодрствовать у моей младшей дочери в опочивальне, тогда я подумаю, можно ли за тебя вторую дочь выдать. Но не забудь, что я каждый час стану сам приходить, и если тебя окликну, то отвечай мне; а коли окликну, да не ответишь, то кровь твоя должна будет пролиться».

Пошел королевич с младшею королевной в ее опочивальню и там увидел истукана еще больше и еще выше, чем в опочивальне двух первых королевен. И сказала королевна истукану: «Станет отец окликать, отвечай ты». Ответил на это каменный истукан кивком головы и качал ею с полчаса, пока она не перестала качаться. А королевич лег на пороге и заснул.

На другое утро король сказал ему: «Хоть ты и хорошо бодрствовал, но я все же не могу за тебя мою дочь выдать, а вот есть у меня большой лес, и если ты мне тот лес с сегодняшних шести часов утра до шести часов вечера весь вырубешь, так я, пожалуй, о замужестве дочери подумаю». Дал он королевичу стеклянную пилу, стеклянный клин и топор.

Как только королевич пришел в тот лес да рубанул разок топором – топор пополам; взял было клин да приударил по нем, и тот в песок рассыпался. Он был этим так поражен, что уже думал – смерть его пришла; сел, да и заплакал.

Когда настал полдень, король сказал дочерям: «Одна из вас, девушки, должна ему чего-нибудь снести поесть». – «Нет, – отвечали обе старшие, – мы ему ничего не снесем; пусть та, у которой он провел последнюю ночь, и несет ему». Вот и должна была младшая снести ему поесть.

Придя в лес, она его спросила: «Ну что? Как?» – «Совсем плохо», – отвечал он. Тогда она сказала ему, что он должен сначала чего-нибудь поесть; но он отвечал, что этого не может сделать, что должен умереть и есть не будет. Но она приласкала его и уговорила, чтобы он хоть немного отведал; он подошел и поел.

Когда он насытился, она сказала: «Приляг ко мне на колени, я почешу тебе голову, и ты повеселеешь духом». Когда она стала ему в голове чесать, он вдруг почувствовал усталость и заснул; а она взяла свой платочек, завязала на нем узелочек, трижды ударила узелочком о землю, приговаривая: «Арвегерс, сюда!»

И явилось к ее услугам множество человечков из-под земли и стали спрашивать, что повелит им королевна. Тогда она сказала: «В течение трех часов лес должен быть вырублен, и все вырубленное должно быть сложено в кучи».

Пошли человечки, созвали всех своих на помощь и тотчас принялись за работу, и прежде чем три часа прошли, все было сделано. А человечки опять пришли к королевне и доложили ей о том. Тут она опять взяла свой белый платочек и сказала: «Арвегерс, домой!» И все человечки разом исчезли.

Когда королевич проснулся, то очень обрадовался, а королевна сказала ему: «Когда пробьет шесть часов, тогда иди домой».

Он так и сделал; и король спросил его: «Что же ты, вырубил лес?» – «Да», – сказал королевич.

Когда они все сели за стол, король сказал: «Не могу еще отдать за тебя свою дочку: ты должен мне еще одну службу сослужить». Королевич спросил: «Какую службу?» – «Есть у меня большой пруд, – сказал король, – завтра должен ты туда сходить и вычистить его так, чтобы он был, как зеркало, и чтобы водились в нем всякие рыбы».

На следующее утро король дал ему стеклянную лопату и сказал: «В шесть часов вечера пруд должен быть готов».

Пошел королевич на пруд, ткнул лопатой в тину – и лопата сломалась; ткнул киркой в тину – и та сломалась. Видя это, он совсем растерялся...

В полдень же принесла ему молодая королевна поесть и сказала: «Ну что? Как?» – «Совсем плохо! – отвечал королевич. – Видно, придется мне сложить свою голову: мне даже и приступить к работе не с чем!» – «О, – сказала она, – ступай сюда да покушай сначала чего-нибудь, тогда у тебя на душе повеселеет». – «Нет, – сказал он, – есть я ничего не могу; я слишком уж опечален».

Тут она его приманила ласковым словом и заставила поесть. Потом стала у него в голове перебирать и усыпила его; когда же он заснул, взяла она платочек, завязала на нем узелочек, ударила узелочком трижды в землю и сказала: «Арвегерс, сюда!»

И явилось опять к ней множество подземных человечков и все стали спрашивать, чего она желает. Приказала она им пруд в течение трех часов так вычистить, чтобы он блестел, как зеркало, – хоть глядись в него! – и всякие рыбы в нем водились.

Пошли человечки на пруд, созвали к себе всех своих на помощь – и поспела работа их через два часа. Потом опять пришли к королевне и сказали: «Все мы исполнили, что было приказано». Тогда взяла королевна платочек, ударила трижды в землю и сказала: «Арвегерс, домой!» И все они исчезли.

Проснулся королевич – видит, что готова работа. Тогда ушла и королева и сказала, чтобы он в назначенное время приходил домой.

Как он пришел, король его спросил: «Что ж? Очищен ли пруд?» – «Очищен», – отвечал королевич. «Ну, хоть ты и очистил его, – сказал король, – однако же я не могу за тебя выдать мою дочь. Прежде ты мне еще одну службу сослужи». – «Да что же еще?» – «А вот на той большой горе, что вся заросла колючим терновником, ты весь терновник вырубь да построй там большой замок, прекрасней которого нельзя было бы вообразить и чтобы в том замке было все для жителя необходимого».

Когда на другой день королевич поднялся, король дал ему стеклянный топор и стеклянный бурав и приказал закончить всю работу к шести часам.

Чуть только он ударил топором по первому терновому кусту, как топор рассыпался вдребезги, да и бурав тоже оказался непригодным к делу. Запечалился королевич и стал поджидать свою милую – не поможет ли хоть та ему из беды выпутаться?

В самый полдень она и пришла к нему, и принесла ему поесть; он пошел ей навстречу, рассказал ей все, что случилось, поел того, что она ему принесла, положил голову на колени, чтобы она почесала, а сам заснул. И опять она трижды ударила узелком платка в землю и проговорила: «Арвегерс, сюда!» И опять явилось столько же подземных человечков и спросили ее, чего она желает.

«В течение трех часов, – сказала она, – должны вы очистить гору от всего кустарника, а на верху горы должны поставить замок, из красивых красивейший, и все необходимое для жизни должно быть в том замке».

Пошли они, созвали всех своих на помощь, и когда истекло назначенное время, все было уже готово. Пришли они затем к королеве и доложили об этом, а та опять ударила платочком трижды по земле и сказала: «Арвегерс, домой!» И они тотчас исчезли.

Когда королевич проснулся и все это увидел, то обрадовался, как птичка радуется в воздушном просторе.

Немного спустя пошли они домой. Король и спросил у королевича: «А что же? Замок-то готов?» – «Да», – отвечал королевич. Усевшись за стол, король сказал: «Мую младшую дочь я отдать за тебя не могу, пока не просватаю двух старших». Королевич и королева были этим очень опечалены, и королевич решительно не знал, чем своему горю пособить.

Как-то ночью пошел он к королеве и вместе с нею бежал из королевского замка. Пробежав некоторую часть пути, королева обернулась и увидела, что отец их нагоняет. «Ах, – сказала она, – как нам быть? Мой отец нас нагоняет и хочет нас вернуть домой. Я тебя оберну терновником, а сама обернусь розою и все буду держаться среди твоих колючек».

Когда отец приблизился к тому месту, то увидел терновый куст и розу среди него.

Он хотел было ту розу сорвать, да терновник стал колоть его своими шипами, и он должен был вернуться домой с пустыми руками.

Тут спросила его жена, почему он не привел с собою дочку. Он ответил жене, что почти нагонял ее, да вдруг потерял из глаз и вместо беглецов увидел перед собою терновый куст и розу среди него. «Стоило тебе только розу сорвать, – сказала королева, – куст бы сам собою за нею пришел».

Пошел король опять на то место, чтобы добыть розу. Между тем королевич с королевой были уже далеко, и королю опять пришлось бежать за ними следом. И вот обернулась дочка еще раз и увидела отца своего...

«Как нам быть? – сказала она снова. – Я оберну тебя кирхою, а сама буду в той кирхе пастором: стану на кафедре и начну проповедовать».

Подошел отец к тому месту и видит кирху, а на кафедре стоит пастор и проповедует. Послушал он проповедь и домой пошел.

На вопрос королевы, почему он дочь с собою не привел, король отвечал: «Пришлось мне за ними далеко бежать; а как нагнал их, вижу, что стоит кирха и в ней пастор проповедует». – «Да тебе бы только стоило привести с собою пастора, – сказала королева, – а кирха сама бы за тобою пошла! Нет, вижу, что нельзя тебя за ними в погоню посылать, надо мне самой за ними бежать».

Когда она пробежала часть пути и уже завидела вдали беглецов, случайно обернулась королевна назад и увидела, что мать за ними гонится.

«Беда нам грозит! – сказала королевна. – Матушка сама за нами гонится!.. Вот оберну тебя прудом, а сама в том пруду стану плавать рыбою».

Пришла мать на то место и видит – большой пруд, а в нем рыбка плещется, головку из воды выставляет и плавает веселешенька. Хотела она поймать ту рыбку, да никак ей это не удавалось! Разозлилась она и задумала выпить весь пруд досуха, чтобы рыбку поймать. И выпила – да стало королеве так дурно, что она должна была снова весь пруд изрыгнуть...

Тогда она и сказала: «Вижу, что ничего не могу с вами поделаться!» – и призвала их к себе.

И вот приняли они опять свой прежний вид, и королева дала дочери три ореха, добавив: «Эти орехи тебе в нужде пригодятся».

И пошли молодые люди далее своею дорогою. Пробыв в дороге часов с десятков, пришли они к деревне, недалеко от замка королевича. Тут и сказал он своей невесте: «Обожди здесь, моя милая, я прежде один побываю в замке и оттуда явлюсь к тебе снова с повозкой и слугами, чтобы свезти тебя в замок».

Когда он в замок явился, все чрезвычайно обрадовались его возвращению; а он рассказал им, что есть у него невеста, что она дожидается его в деревне и что он сейчас поедет за нею в повозке и привезет в замок. Тотчас запряжена была повозка, и много слуг явилось около нее.

Но едва только королевич хотел в ту повозку сесть, мать поцеловала его в уста, и он от этого поцелуя сразу забыл все, что случилось с ним и что ему предстояло сделать. Мать приказала выпрячь коней из повозки, и они все снова вернулись домой.

А королевна тем временем сидела в деревне да поджидала, когда за нею приедут, но никто не являлся.

Пришлось королевне наняться в работницы на мельницу около замка, и каждый день после полудня она должна была сидеть у воды и перемывать посуду.

Случилось, что королева вышла как-то из замка, пошла по берегу и, увидев эту красивую девушку, сказала: «Что это за красotka? Очень она мне нравится!» Стала она всех о ней расспрашивать, но никто ничего о той девушке не знал.

Много минуло времени, а девушка все продолжала по-прежнему честно и верно служить у мельника. Между тем королева подыскала для своего сына жену откуда-то издалека. Когда приехала невеста, свадьба должна была тотчас состояться.

*Вот явились и жених с невестой
и стали против алтаря,
но в то время,
когда пастор собирался их благословлять,
невеста вдруг глянула в сторону
и поднялась с колен.
«Не хочу я венчаться, —
сказала она, —
пока у меня не будет
такого же красивого платья,
как у той дамы».*

Вот явились и жених с невестой и стали против алтаря, но в то время, когда пастор собирался их благословлять, невеста вдруг глянула в сторону и поднялась с колен. «Не хочу я венчаться, — сказала она, — пока у меня не будет такого же красивого платья, как у той дамы».

Сбежалось множество народа на ту свадьбу смотреть; стала и молодая работница на ту свадьбу проситься у мельника. «Ступай, пожалуй!..» — сказал ей мельник.

Собираясь идти на свадьбу, вскрыла королева один из трех орехов, вынула из него красивое платье, надела, пошла в нем в кирху и стала у самого алтаря.

Вот явились и жених с невестой и стали против алтаря, но в то время, когда пастор собирался их благословлять, невеста вдруг глянула в сторону и поднялась с колен. «Не хочу я венчаться, – сказала она, – пока у меня не будет такого же красивого платья, как у той дамы».

Тогда они все должны были вновь вернуться домой и приказали спросить у нарядной дамы, не желает ли она то платье продать. «Продать не продам, а за услугу отдам», – отвечала она.

Спросили ее, чего ж ей надо. Она сказала, что отдаст платье, если ей дозволено будет провести ночь перед дверью того покоя, где спал королевич. На это согласились; но одного из слуг королевича заставили дать ему сонного зелья.

И вот королева легла на порог двери в его опочивальню и всю-то ноченьку жалобно ему выговаривала, что она и лес для него вырубил, и пруд очистила, и замок диковинный выстроила, что и терновником его оборачивала, и кирху, и прудом, спасая от погони, а он позабыл ее так скоро.

Королевич-то ничего не слышал, а слуги от ее жалоб пробудились и стали прислушиваться и никак не могли понять, что бы это могло значить.

На следующее утро, когда все поднялись, невеста надела платье королевы и пошла с женихом в кирху. Между тем королева вскрыла второй орех и увидела в нем другое платье, еще наряднее первого, надела его и пошла в кирху к самому алтарю – и все произошло точно так же, как накануне.

И еще одну ночь пролежала она на пороге двери, которая вела в опочивальню королевича, и слуге было приказано вторично отуманить его сонным зельем; а слуга, напротив того, дал ему бессонного зелья, с тем и уложил его в постель. Королева же легла по-прежнему у дверей на пороге и стала жалобно рассказывать по порядку обо всем, что было ею сделано.

Все это услышал королевич, очень опечалился, и вдруг припомнилось ему все минувшее.

Он хотел было выйти к своей милой, но его мать заперла дверь на замок.

На следующее утро, однако же, он тотчас пришел к королеве, рассказал, как все случилось, и просил на него не гневаться, что он так долго не мог о ней вспомнить.

Тогда королева вскрыла и третий орех и вынула из него наряд, еще лучше двух первых: она его надела и поехала с королевичем в кирху... Дети осыпали их цветами и устлали их путь пестрыми кусками материи...

В кирхе они приняли благословение от пастора и весело отпраздновали свадьбу.

А коварная мать и ее избранная невеста должны были удалиться.

У того же, кто мне всю ту сказку сказывал, не успели после свадьбы обсохнуть уста влажные...

О находчивом портняжке

Жила-была на белом свете княжна горделивая. И объявила она во всеобщее сведение, что кто бы к ней ни пришел, ему надо только отгадать ее загадку, и он будет ее мужем.

Вот и выискались трое портных и решились на тот зов пойти. Двое старших, поискуснее, были о себе высокого мнения, и им уж казалось, что они в этом деле не дадут промаха; третий же был в своем ремесле далеко не мастер, однако же верил в свое счастье и удачу...

Двое старших его отговаривали: «Оставался бы ты дома, где уж тебе с твоим умишком за такое дело братья?» Однако портняжка не дал сбить себя с толку, знал, что голова у него не даром на плечах держится и что он уж как-нибудь из дела сумеет выпутаться...

Вот и заявили они все трое к княжне и попросили задать им по загадке: они дали при этом понять, что народ они не простой, а с разумением, что под них и комар носа не подточит.

Вот и сказала им княжна: «У меня на голове волосы двухцветные – каких двух цветов?» – «Ну, коли только в этом вопрос, – сказал старший портной, – так волосы у тебя вперемежку черные и белые, вот как то сукно, что мы называем темное с искрой». – «Неверно разгадал, – сказала княжна, – за вторым очередь».

Второй портной отвечал: «Коли волосы у тебя не черные и белые, так уж верно русые и рыжие – вот у моего отца такой кафтан еще есть». – «Неверно разгадал, – сказала княжна, – отвечай ты, третий. По лицу твоему вижу, что ты отгадаешь». Младший портняжка смело выступил вперед и сказал: «У княжны волосы на голове золотые и серебряные – вот почему она и называет их двухцветными». Как услышала это княжна, так и побледнела и чуть в обморок не упала от испуга, потому что портняжка угадал.

Немного оправившись от испуга, она сказала: «Хоть ты и отгадал мою загадку, но я не пойду за тебя замуж, пока ты вот чего еще не сделаешь: внизу в хлеву есть у меня медведь – с ним ты должен провести целую ночь; коли я завтра тебя в живых застану, тогда выйду за тебя замуж». Этим думала она от портняжки отделаться, потому что медведь еще никого не выпускал из своих лап живым. Но портняжка не дал себя запугать и весело отвечал ей: «Кто решился, тот полдела сделал!»

Как наступил вечер, портняжку свели вниз, в стойло к медведю. Медведь хотел было тотчас на него накинуться и схватить его в свои лапы... «Постой, постой, приятель, – сказал портняжка, – я тебя сейчас сумею унять!» И преспокойно, как будто ничем не смущаясь, вытащил из кармана грецкие орехи, стал их разгрызать и лакомиться.

Увидел это медведь и тоже захотел орехов пощелкать. Портняжка опустил руку в карман и подал ему полнешеньку горсть, но только не орехов, а гольшей. Медведь сунул один из них в рот, да ничего не мог поделаться, как ни старался его разгрызть. «Что я за дурак такой, – подумал медведь, – ни одного ореха разгрызть не могу». И сказал он портняжке: «А ну-ка, разгрызи их». – «Вот видишь, каков ты есть, – подтрунил над ним портняжка, – пасть-то у тебя во какая, а маленький орешек разгрызть тебе не под силу!»

Он взял у него камешки, сунул вместо камешка настоящий орех в рот – и сразу разгрыз его. «Дай-ка я еще раз попробую! – сказал медведь. – Как со стороны погляжу, так кажется, что оно и вовсе не мудрено». И опять наш хитрец подсунул ему камешки, и опять медведь напрасно над ними бился и разгрызть их не мог.

После этого вытащил портняжка из-под полы своего платья скрипочку и давай на ней наигрывать! А медведь, чуть только услышал музыку, так уж не мог удержаться, и давай плясать, и когда поплясал немножко, так был этим очарован, что обратился к портняжке и спросил: «Скажи, пожалуйста, мудрено ли это дело – на скрипочке играть?» – «Сущие пустяки, – отвечал тот, – видишь ли, левой рукой я струны перебираю, а правой пилю по ним смычком,

и пошла плясать, подскакивать!» – «Так-то вот и мне хотелось бы играть на скрипке, – сказал медведь, – чтобы я мог плясать, как только придет охота! Ты как думаешь?.. Возьмешься ли меня учить?» – «С удовольствием, если только ты выкажешь к тому способность. А покажи-ка мне свои лапы! Ух, какие огромные! Дай-ка я тебе ногти-то поукорочу».

Портняжка стоит себе перед дверьми хлева здоров-здоровехонек...

И вот принесены были тиски, медведь сдуру вложил в них свои лапы, а портняга закрутил винт покрепче и сказал: «Ну, погоди – ужю приду к тебе с ножницами». И предоставив медведю рычать сколько душе угодно, сам лег в углу на связку соломы и заснул.

Княжна, заслышав с вечера рев медведя, предположила, что это он ревет от радости и что он уже расправился с портным по-свойски.

Поутру встала она весьма довольная и ничем не озабоченная, а как заглянула в хлев, так и увидела, что портняжка стоит себе перед дверьми хлева здоров-здоровехонек и весел-веселешонек.

Тут уж не посмела она и слова перечить, потому что должна была выполнить обещание, данное при всех.

И вот король приказал подать карету, в которой она должна была отправиться вместе с портным в кирху для венчания.

Когда они уже уселись в карету, двое других портных, лукавых сердцем и завистливых к счастью товарища, пошли в хлев к медведю и высвободили его из тисков.

Разъяренный медведь тотчас помчался что есть мочи вслед за королевской каретой.

Княжна слышала издали его фыркание и рычание; она перепугалась и воскликнула: «Ах, медведь гонится за нами и хочет тебя унести!» Но проворный портняжка тотчас встал на голову, выставил ноги в окошко кареты и крикнул: «Видишь ли тиски? Коли ты не уйдешь обратно, то опять в них попадешь!»

Как только медведь это услышал – сейчас повернул назад, и давай Бог ноги!

А портняжка преспокойно поехал в кирху, обвенчался с княжною и жил с ней в довольстве и добре припеваючи.

Ну, вот, хочешь верить – так верь, а не хочешь – деньги плати.

От солнца ясного ничто не скроется

Портной-подмастерье бродил некогда по белу свету, кормясь ремеслом своим, и вот случилось, что он, не находя никакой работы, дошел до такой бедности, что не было у него даже одного геллера на хлеб. Как раз в это время повстречался ему на дороге еврей, и голодному подмастерью пришло в голову, что у него должно быть много денег...

Забыв о Боге, портной подступил к нему и сказал: «Отдай мне твои деньги, не то убью!» Еврей взмолился: «Пощади меня, денег у меня никаких нет – всего какие-нибудь восемь геллеров!» Но портной сказал сурово: «А все же есть у тебя деньги, и ты их должен мне отдать!» – затем схватил его, стал бить и избил до полусмерти. И еврей, умирая, мог произнести только одно: «От солнца ясного ничто не скроется», – да с тем и умер.

Подмастерье стал шарить у него по карманам, но нашел всего только восемь геллеров, как и говорил еврей. Затем он подхватил убитого, бросил в кусты и пошел далее на поиски работы.

После долгих странствий попал он наконец в большой город, поступил там на работу к мастеру, у которого дочь была красавица; он в нее влюбился, женился на ней и зажил с ней в счастье и довольстве.

Много прошло времени; двое детей успело у супругов родиться, и тесть с тещею уже померли, а супругам пришлось вести дом самим.

Однажды утром, когда портной сидел на своем столе у окна, жена принесла ему кофе; он вылил кофе из чашки в блюдечко, собираясь его пить, а отражение солнца упало на стену и забегало по ней зайчиками.

Взглянув на стену, портной проговорил: «Хотелось бы ему и то дело осветить, да не может никак!» Жена и спросила его: «Э-э, муженек, да что же это такое? Что ты этим сказать хочешь?» – «Этого я тебе высказать не смею», – отвечал он. Но она ответила ему: «Если ты меня любишь, то должен мне сказать», – и стала клясться, что никому не откроет его тайны, и не давала ему покоя.

Вот он и рассказал ей, как много лет тому назад, когда бродил по белу свету оборванный и тощий, он убил еврея, и этот еврей в последнюю минуту перед смертью проговорил: «От солнца ясного ничто не скроется!»

«Ну и вот, как там солнце ни старалось, как ни мелькало зайчиками на стене, а все же ничего не выяснило!» И, рассказав ей все это, он еще раз просил ее никому не говорить, потому что ему пришлось бы за это жизнью заплатить, и она обещала молчать.

Но чуть только портной опять принялся за работу, пошла она к своей куме и все ей рассказала, при условии, что та никому об этом не скажет. И не прошло трех дней, как уже знал об этом деле весь город, и портной, призванный в суд, был осужден и казнен.

Так и не скрылось это темное дело от ясного солнышка!

116

Синяя свеча

Жил на белом свете солдат, и был он своему королю верным служакой много и много лет сряду. Когда же война окончилась и солдат из-за многих полученных им ран не мог более оставаться на службе, король сказал ему: «Ступай домой – ты мне больше не нужен; и денег ты тоже более не получишь, потому что жалованье получает тот, кто может службу нести».

Вот и не знал солдат, как ему жить да быть: ушел он со службы озабоченный и шел целый день, пока не пришел вечером в лес.

С наступлением темноты увидел он огонек, приблизился к нему и пришел к дому, в котором жила ведьма. «Приюти ты меня на ночлег и дай что-нибудь поесть да попить, – сказал он, – не то придется мне подохнуть с голода!» – «Ого! – отвечала ведьма. – Где это видано, чтобы хоть что-нибудь давали беглому солдату? Ну, да уж так и быть: я над тобою сжалюсь и приму тебя, если ты исполнишь мое желание». – «А чего ты желаешь?» – спросил солдат. «Чтобы ты мне завтра вскопал мой сад».

Солдат согласился и весь следующий день работал что есть мочи, но до вечера не мог своей работы закончить. «Вижу, – сказала ведьма, – что ты сегодня не можешь более работать; продержу тебя еще одну ночь, а ты за это завтра наколи мне дров».

Солдат провозился за этим делом целый день, а вечером ведьма предложила ему остаться у нее еще одну ночь. «Завтра ты выполнишь для меня самую ничтожную работу, – сказала ведьма. – Позади моего дома есть старый колодец, в него упала моя свечка, горит там голубым огоньком и не потухает. Вот ее-то мне и достань оттуда».

На другой день старуха привела его к колодцу и спустила туда в корзине. Солдат нашел в колодце свечку с голубым огнем и подал ведьме знак, чтобы она его опять вытянула наверх. Она и потянула его, но, когда уж он приближался к краю колодца, ведьма протянула руку и хотела отнять у него свечку. Солдат заметил, что у нее недоброе на уме, и сказал: «Нет, свечи я тебе не отдам прежде, чем почувствую землю под ногами». Тогда ведьма пришла в ярость, спустила его обратно в колодец и ушла прочь.

Бедняга-солдат упал на сыроватое дно колодца, но не ударился, и свеча в его руке продолжала гореть... Да что в том толку? Он отлично понимал, что придется ему умереть в колодце.

Посидел он немного пригорюнившись, затем, случайно сунул руку в карман, нашел в нем свою трубочку, до половины набитую табаком. «Ну вот, курну еще разок напоследок!» – подумал он, вытащил трубку из кармана, зажег ее синюю свечой и стал курить.

Когда табачный дым расползся по низу колодца, перед солдатом вдруг появился маленький черненький человечек и спросил его: «Господин, что прикажешь мне?» – «Что я тебе стану приказывать?» – возразил ему солдат в изумлении. «Я все должен выполнить, что ты прикажешь», – отвечал человечек. «Ну, так прежде всего выведи меня из колодца».

Человечек взял его за руку и повел подземным ходом, не забыв и синюю свечку прихватить с собою. При этом он показал ему сокровища, собранные и снесенные туда ведьмой, и солдат набрал себе в запас столько золота, сколько мог снести.

Выбравшись на белый свет, солдат сказал человечку: «Теперь ступай, свяжи старую ведьму и сведи ее в суд». Немного спустя ведьма со страшным криком промчалась мимо солдата на дикой кошке, и солдат не успел оглянуться, как человечек вернулся к нему и сказал: «Все исполнено, и ведьма уже качается на виселице! А теперь что прикажешь мне, господин?» – «Сейчас ничего не прикажу, – сказал солдат, – может идти домой; но чуть только кликну тебя, чтобы ты тотчас же был у меня под рукой!» – «И кликать тебе не нужно, –

сказал человек, – стоит только закурить трубочку синею свечою, я тотчас и явлюсь перед тобою». Сказал и исчез.

Солдат вернулся в тот город, в котором он служил. Пришел в лучшую гостиницу, заказал себе отличное платье и велел хозяину гостиницы убрать себе комнату как можно роскошнее.

Когда комната была готова, солдат призвал к себе черного человечка и сказал: «Я королю служил верой и правдой, а он выгнал меня со службы и заставил голодать – за это хочу отомстить ему». – «Что прикажешь мне делать?» – спросил человек. «Поздно вечером, когда королева уже будет в постели, принеси ее сюда сонную, пусть она мне служит как служанка». Человек сказал: «Для меня это не трудно, а для тебя будет опасно – если об этом прознают, тебе, пожалуй, плохо придется».

Она исполнила все, что он приказывал...

Едва пробил полночь, дверь распахнулась, и человек внес королеву в комнату солдата. «Ага! Ты здесь! – крикнул солдат. – Изволь-ка сейчас же приниматься за работу! Ступай, принеси сюда половую щетку и вымети комнату!»

Когда королева вымела комнату, он подозвал ее к своему стулу, протянул ей ноги и сказал: «Сними с меня сапоги!» – швырнул ей свою обувь, а она вынуждена была сапоги поднять, вычистить и глянец на них навести.

Она исполняла все, что он приказывал, без прекословия, молча, с полузакрытыми глазами. Как прокричали первые петухи, человек опять отнес ее в королевский замок и уложил в постель.

На следующее утро, поднявшись с постели, королева пошла к отцу своему и рассказала ему, что ей привиделся ночью диковинный сон: «Мне снилось, что кто-то с быстротою молнии перенес меня по всем улицам в комнату к солдату, у которого я должна была заменять служанку и исполнять всякую черную работу – пол мести и сапоги чистить... Хоть это и был только сон, а я все же так утомилась, как будто все это со мною наяву было». – «Это могло происходить с тобою и наяву, – сказал король, – и я тебе дам такой совет: набей полон

карман гороху, а в кармане сделай маленькую дырочку; если тебя опять унесут, то горох из твоего кармана просыплется и укажет твой след».

В то время как король все это говорил, человечек присутствовал здесь невидимкою и все слышал.

Ночью, когда он опять понес спящую королеву через улицы, несколько горошинок действительно просыпалось из ее кармана, но следа никакого не указали, потому что маленький хитрец заранее разбросал много гороха по улицам. И пришлось королевне опять до первых петухов быть служанкой у солдата.

Король на другой день выслал своих людей, чтобы поискать следов, но это оказалось совершенно напрасно, потому что на всех улицах дети бедняков собирали горох и говорили: «Нынче ночью горох дождем с неба сыпался...»

Король и сказал: «Надо нам что-нибудь иное придумать; сегодня ты ложись в постель в башмаках и, прежде чем тебя принесут обратно домой, спрячь там, где ты будешь, один из своих башмаков, а я уж сумею отыскать его!»

Но черный человечек слышал и этот сговор и посоветовал солдату в тот вечер не требовать, чтобы он еще раз принес к нему королеву... «Против этой уловки, – сказал он, – ничего нельзя поделывать; а если башмак будет у тебя найден, то тебе плохо придется!» – «Делай, что я тебе приказываю!» – возразил солдат, и королевне пришлось и на третью ночь быть служанкой у солдата, но, прежде чем она была унесена домой, ей удалось один из своих башмаков припрятать под кровать.

На другое утро король приказал во всем городе разыскивать башмак своей дочери: башмак найден был у солдата, и сам солдат (который по просьбам черного человечка успел уже за ворота города выбраться) был вскоре схвачен и брошен в темницу. Во время своего бегства он позабыл захватить с собою лучшее, что он имел, – синюю свечу и золото, и у него в кармане оказался всего-навсего один дукат.

В то время, как он, отягощенный цепями, стоял у окна своей тюрьмы, мимо нее проходил один из его бывших товарищей. Он постучал ему в окно, а когда тот зашел в тюрьму, солдат сказал ему: «Будь так добр, принеси мне тот маленький узелок, который я забыл в гостинице, я тебе за это дам дукат». Товарищ сбегал в гостиницу и принес ему узелок. Солдат, оставшись один в тюрьме, тотчас закурил свою трубочку и призвал черного человечка. «Будь покоен, – сказал тот своему повелителю, – и ступай туда, куда они тебя поведут; не тревожься, что бы ни случилось с тобою, не забудь только захватить с собою синюю свечку!»

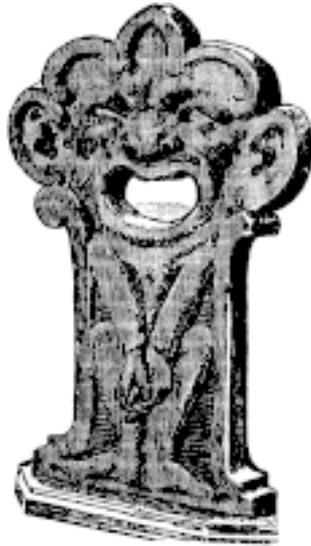
На другой день солдата судили, и хотя он ничего дурного не сделал, судьи все же приговорили его к смертной казни.

Когда его уже вывели на казнь, он стал просить короля оказать ему последнюю милость. «Какую же?» – спросил король. «Дозволь мне перед казнью выкурить еще одну трубочку». – «Пожалуй, хоть три выкури, – сказал король, – но только не думай, что я тебя помилую».

Тогда солдат вытащил свою трубку, зажег ее от синей свечи, и чуть только пустил два колечка дыма, черный человечек явился перед ним с небольшою дубинкою в руках и сказал: «Что прикажет мне господин мой?» – «Пришиби всех этих судей и их угодников, да и королю не давай спуска за то, что он так дурно поступил со мною».

И тотчас человечек с быстротою молнии начал носиться взад и вперед, туда и сюда, и кого только он касался своею дубинкою, тот уж валился на землю и ворохнуться не смел.

Король перепугался, стал просить солдата о пощаде. И ради того только, чтобы тот пощадил его жизнь, отдал ему и королевство свое, и дочку выдал за него замуж в придачу.

117

Своенравный ребенок

Жил да был один своенравный ребенок.

Вел он себя не так, как хотела того мать, и потому Господь не возлюбил его и послал на него болезнь, так что никакой врач не мог помочь ему.

И спустя некоторое время ребенок уже лежал на смертном одре.

Но когда опустили его в могилку и засыпали землей, внезапно высунулись из-под земли его ручки и простерлись кверху, а когда их снова сложили вместе и засыпали свежей землей, это не помогло, и ручки по-прежнему высовывались из-под земли.

Тогда сама мать приблизилась к земле и прикоснулась прутиком к ручонкам, и едва только она сделала это, как дитя спрятало ручки и только тогда навсегда успокоилось под землей.

118

Три фельдшера

Странствовали по белу свету три фельдшера, уверенные в том, что они отлично изучили свое дело, и случилось им однажды зайти в гостиницу на ночлег.

Хозяин гостиницы спросил их, откуда они пришли и куда направляются. «Вышли по белу свету побродить – свое уменье попытать». – «А ну-ка, покажите мне, велико ли ваше уменье», – попросил хозяин.

И сказал ему первый фельдшер, что он может руку отрезать, а назавтра опять ее залечить; второй сказал, что он может сердце вырвать, а назавтра опять его вложить и вылечить рану; третий – что глаза может вырезать, а завтра рано утром опять их исцелить. «Ну, коли вы все это можете сделать, – сказал хозяин, – так вы, точно, недаром учились».

У них и действительно была такая мазь, которою стоило только потереть, и всякая рана заживала, а баночку с этой мазью они постоянно при себе имели.

И вот, в доказательство своего искусства трое фельдшеров поступили так: один отрезал себе руку, другой вынул у себя сердце, а третий вырезал очи – и все это, сложив на тарелку, отдали хозяину гостиницы на хранение до завтра; а хозяин передал все это служанке, велел поставить в шкаф и бережно в нем хранить под замком.

Но ветреная служанка, доставая себе что-то из шкапа на ужин, позабыла запереть дверцу шкапа на ключ – и вот, откуда ни возмись, прокралась к шкапу кошка, вытащила из него сердце, очи и руку троих фельдшеров и убежала.

Когда служанка поужинала и пошла убирать посуду в шкаф, она тотчас заметила, что там не хватало тарелки, которую хозяин отдал ей на хранение.

Девушка перепугалась и сказала своему брату-солдату: «Ах я, несчастная! Что со мною завтра будет: ни сердца, ни очей, ни руки здесь нет, и не знаю, куда они девались!» – «Есть о чем горевать! – ответил солдат. – Я тебя как раз из беды выручу! На виселице повешен вор – я и отрублю у него руку... Да которая рука-то была?» – «Правая».

Дала девушка солдату острый нож, и он пошел, отрезал у несчастного висельника правую руку и принес ее с собою. Затем поймал кошку, вырезал у ней глаза... Недоставало только сердца. «Да вы, кажется, нынче свинью кололи? – спросил солдат. – И свинина-то, должно быть, в погребке лежит?» – «Да», – ответила служанка. «Ну, вот и отлично!» – сказал солдат, спустился в погреб и принес свиное сердце. Девушка все это сложила на тарелку, поставила в шкаф и преспокойно улеглась спать.

Поутру, когда фельдшеры поднялись, они приказали служанке принести из шкапа тарелку, на которой положены были рука, сердце и очи. Служанка принесла тарелку, и первый из фельдшеров тотчас приладил себе руку вора, помазал ее мазью, и рука приросла. Другой взял с тарелки кошачьи глаза и вставил их себе. Третий закрепил у себя в груди свиное сердце.

А хозяин, присутствуя при этом, дивился их искусству, утверждал, что ничего подобного не видал, и сказал, что каждому будет он их рекомендовать и расхваливать. Затем они заплатили по своим счетам и пошли далее.

Но на пути тот, которому досталось свиное сердце, не пошел рядом с товарищами, а подбегал к каждому уголку, всюду обнюхивая и похрюкивая как-то по-своему. Друзья хотели было его удержать за полы платья, но ничего не могли сделать – он у них вырывался и бежал туда, где навозу было побольше.

Другой тоже держал себя довольно странно – все потирал себе глаза и говорил товарищу: «Дружище, что же это такое? Ведь это не мои глаза – я ничего ими не вижу... Поведи меня за руку, чтобы мне не упасть».

И так они с трудом добрались под вечер до другой гостиницы. Втроем вошли они в комнату хозяина, где сидел какой-то богатый господин и считал деньги.

Тот, который приставил себе воровскую руку, обошел кругом этого господина и раза два почувствовал какое-то подергиванье в руке. А затем, когда господин отвернулся в сторону, он вдруг сунул руку в кучу денег и вытащил оттуда полную пригоршню. Кто-то увидел это со стороны и сказал: «Приятель, что ты делаешь? Ведь воровать-то тебе стыдно!» – «Э-э, да что же я могу поделать?» – отвечал фельдшер. – Руку у меня так и подергивает, и волей-неволей я вынужден хватать...»

Затем пошли они спать, и темнота кругом их была такая, что хоть глаз выколи. Вдруг тот фельдшер, у которого были кошачьи глаза, проснулся и товарищей своих разбудил. «Братцы, – сказал он им, – смотрите-ка, видите, как кругом нас бегают белые мышки?» Товарищи поднялись с постели, однако же ничего в темноте различить не могли. Тогда он сказал: «С нами творится что-то неладное. Получили мы от хозяина не то, что ему дали... Надо нам вернуться: он нас надул!»

И на следующее утро они отправились обратно и сказали хозяину, что они не получили от него то, что дали ему на хранение: одному досталась рука вора, другому – кошачьи глаза, третьему – свиное сердце.

Хозяин сказал, что во всем виновата служанка и собирался ее позвать; но как только та троих фельдшеров издала завидела, тотчас убежала через задние ворота и не вернулась к хозяину.

Тогда трое фельдшеров сказали хозяину, что он должен за их ущерб вознаградить их деньгами, а не то они к нему в дом красного петуха подпустят. Тогда тот отдал им все, что имел и что мог собрать, и трое фельдшеров ушли от него с деньгами.

И хотя этого им было на всю жизнь достаточно, однако же они бы охотно променяли бы все эти деньги на то, что было ими утрачено.

119

Семеро швабов

Однажды собрались семеро швабов вместе: первый был Шульц, второй – Яхли, третий – Марли, четвертый – Ергли, пятый – Михаль, шестой – Ганс и седьмой – Вайтли.

Все семеро задумали весь белый свет обойти, приключений поискать и великие подвиги совершить. А для того, чтобы странствовать им было безопаснее, они решили идти с оружием и заказали себе, хоть и на семерых одно, но зато очень крепкое и длинное копье.

За это копье они ухватились всемером, и впереди-то всех пошел самый смелый из них и самый мужественный, а таковым был Шульц! За ним уж следовали все по очереди, и Вайтли был между ними последним. Случилось однажды в самый разгар сенокоса, когда они уже прошли порядочный конец пути, но еще было далеко от деревни, в которой хотели переночевать, уж в сумерки близ наших швабов пролетел вечерний жук или шершень. И жужжание его очень грозно прозвучало где-то за стогом сена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.